

Ю. К. БЕГУНОВ, И. Э. КЛЕЙНЕНБЕРГ
и И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЛЕДОВОМ ПОБОИЩЕ¹

Сражение Александра Невского с немецкими рыцарями на Чудском озере уже с очень давних пор было объектом исследования со стороны русских историков: о нем еще в XIX в. писали Н. М. Карамзин, И. Д. Беляев, Н. И. Костомаров, Ю. Трусман, Е. В. Чешихин, А. И. Бунин и др.² Однако в дореволюционной науке этому событию не придавали должного значения и оно изучалось довольно поверхностно; авторы, касавшиеся Ледового побоища, обычно лишь кое-как пересказывали текст летописи. Углубленным источниковедческим исследованием данного вопроса дореволюционные историки не занимались.

Только советская наука в 1930-е годы смогла установить выдающееся значение битвы на Чудском озере в истории нашей Родины и шире — в истории всей Восточной Европы. В работах советских историков было доказано, что на льду Чудского озера героические русские воины остановили надвигающуюся на Русь волну немецко-рыцарской агрессии, остановили многовековой

---

¹ Текст введения подготовлен И. П. Шаскольским; раздел I — «Русские источники о Ледовом побоище» — написан Ю. К. Бегуновым; раздел II — «Западные источники о Ледовом побоище» — подготовлен И. Э. Клейненбергом и И. П. Шаскольским (тексты источников, их переводы и текстологический комментарий подготовлены И. Э. Клейненбергом, исторический комментарий — им же при участии И. П. Шаскольского; последнему принадлежат также вводный и заключительный тексты этого раздела).

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. I, т. IV. СПб., 1842, табл. 16—21; И. Д. Беляев. Великий князь Александр Ярославич Невский. Временник Моск. общ. истории и древностей, кн. 4, М., 1849, стр. 10—14; Н. И. Костомаров. 1) Севернорусские народоправства во времена удельно-вечегового уклада, т. I. СПб., 1863, стр. 354—356, 361—365; 2) Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, вып. 1. СПб., 1873, стр. 155—158; Е. В. Чешихин. История Ливонии с древнейших времен, т. I. Рига, 1884, стр. 351—357; Ю. Трусман. О месте Ледового побоища в 1242 г. Журн. Мин. народн. проsv., 1884, январь, стр. 44—46; А. И. Бунин. О месте битвы русских с немцами, бывшей 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера. Тр. X археол. съезда в Риге 1896 г., т. I. М., 1899, стр. 214—219.

немецко-рыцарский «Drang nach Osten», ранее приведший к покорению и порабощению ряда народов центральной и Восточной Европы.

С 1937—1938 гг., с момента появления первых советских работ о Ледовом побоище, накопилось огромное количество научных и научно-популярных сочинений, посвященных этому сражению и другим событиям, связанным с деятельностью Александра Невского.³ Кроме того, Ледовому побоищу уделяется видное место во всех общих трудах, курсах и учебных пособиях по истории СССР, по истории военного искусства, и т. д.

Правда, подавляющее большинство (из общего числа нескольких сот) вышедших за последние четверть века работ о Ледовом побоище носит популярный характер; их авторы не ставят перед собой никаких исследовательских задач и просто пересказывают уже известные факты, изложенные еще дореволюционными учеными и первыми советскими историками, писавшими о данном сражении. Обычно этими авторами Ледовое побоище освещается только по данным русской летописи (и то в большинстве случаев — не на основании подлинного летописного текста, а по пересказам летописных известий, сделанных в более ранних работах). Наряду с правильными положениями популярные сочинения, начиная с брошюры А. И. Козаченко (и под большим влиянием этой первой крупной брошюры на данную тему),⁴ внесли в научную литературу о Ледовом побоище много ошибок и неточностей, повторявшихся многократно самыми различными авторами.⁵ Распространению

³ Трудно даже приблизительно перечислить хотя бы только работы, специально посвященные Ледовому побоищу: научно-популярных работ об Александре Невском и Ледовом побоище было опубликовано несколько сот и они (если считать и газетные статьи) совершенно не поддаются учету; изданная в 1942 г. Всесоюзной книжной палатой библиография литературы об Александре Невском («Наши великие предки». Указатель литературы, М., 1942, стр. 7—14) была составлена недостаточно квалифицированно и к тому же давно устарела. В подготовленной Фундаментальной библиотекой общественных наук общей библиографии работ по истории СССР, вышедших за годы Советской власти (История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 гг., т. I. М., 1956), отражены только работы исследовательского характера и не отражена научно-популярная литература; к тому же и эта библиография тоже уже устарела.

⁴ А. И. К о з а ч е н к о. Ледовое побоище. М., 1938.

⁵ Здесь нет возможности разбирать все многочисленные ошибки этой брошюры, вызванные тем, что автор не счел нужным тщательно изучить источники и литературу вопроса и весьма вольно обращался с имевшимся у него материалом, достаточно указать лишь некоторые из них. Так, по словам автора (на стр. 42), во главе похода 1242 г. на Русь «выступил со всеми рыцарями ордена магистр Вала», т. е. магистр Тевтонского ордена Герман Балк; однако в действительности Балк умер в 1239 г. (O. Rutenberg. Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Kurland von der ältesten Zeit bis zum Untergange ihrer Selbständigkeit, I Band. Leipzig, 1859, S. 120) и в событиях 1240—1242 гг., естественно, участвовать не мог. Между тем вслед за А. И. Козаченко авторы ряда популярных работ считали магистра Балка предводителем «псов-рыцарей», напавших на Русь в 1242 г.; в качестве предводителя рыцарей во время Ледового побоища фигурировал магистр Балк и в известном кинофильме «Александр Невский». Еще больший резонанс имела

этих ошибочных положений способствовало то обстоятельство, что довольно долго и битва на Чудском озере, и другие победы Александра Невского большинству ученых казались исследованными до конца и представляющими интерес лишь для популяризаторов; за прошедшие четверть века лишь очень немногие авторы, писавшие о Ледовом побоище, занимались не рассказом об этом сражении (точнее — не пересказом одних и тех же фактов), а научным исследованием данного события с позиций марксистской науки. В числе последних авторов прежде всего должно быть названо имя М. Н. Тихомирова, первым из советских ученых опубликовавшего несколько исследовательских работ о Ледовом побоище и других событиях, связанных с деятельностью Александра Невского.⁶

другая ошибка (точнее — вольное обращение с фактами) Козаченко, касающаяся хода самого сражения. По словам Козаченко, при подготовке к сражению Александром Невским «часть дружины была поставлена в засаду за возвышенностями берега» (стр. 45) и в разгар боя засада ударила «с тыла... закупорив окончательно щель, пробитую германской свиньей» (стр. 46), т. е. решила окончательно исход битвы. Эта дружина, поставленная в засаде — чистой воды домысел автора, не основанный ни на каких данных источников (и явно придуманный по аналогии с действиями «засадного полка» во время Куликовской битвы). С легкой руки Козаченко эта фантастическая «засадная дружина», или «засадный полк», прочно вошла в военно-историческую литературу, в том числе — в учебные пособия, по которым изучалось Ледовое побоище в военно-учебных заведениях; см. выпущенные Воениздатом сочинения: Е. А. Разин. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914—1918 гг. М., 1940, стр. 109 и схема на стр. 108; В. Н. Бочкарев. Александр Невский и его победы над шведами и немцами. В сб.: Героическое прошлое русского народа, М., 1946, стр. 20; А. И. Козаченко. Ледовое побоище. В сб.: Народ-богатырь (IX—XIII вв.), М., 1948, стр. 94; История военного искусства. Сборник материалов. Вып. 1. Военное искусство рабовладельческого и феодального общества. М., 1951, стр. 182; Н. И. Беляев. Александр Невский. М., 1951, стр. 63; История военно-морского искусства. Учебное пособие для академий* и училищ. Т. I, М., 1953, стр. 92 и карта на стр. 91; Е. А. Разин, И. Е. Крупченко, П. С. Синельников. История военного искусства, т. I. Под ред. Е. А. Разина. Изд. Военной академии бронетанковых войск, М., 1956, стр. 58—59; Е. А. Разин. История военного искусства. Т. II. Военное искусство феодального периода войны. М., 1957, стр. 160—161 и схема на стр. 159; С. В. Липицкий. Ледовое побоище. М., 1964, стр. 46, 51, 53; Атлас офицера. М., 1947, стр. 135, карта «Ледовое побоище 5.4.1242». Домысел о «засадной дружине», кроме военных историков, был подхвачен и некоторыми «гражданскими» историками; см.: Н. И. Сутт. Александр Невский. Ярославль, 1940, стр. 61—62; В. Н. Бочкарев. Александр Невский. Истор. журн., 1942, № 3—4, стр. 119—120; БСЭ, изд. 2-е, статья «Ледовое побоище» (т. 24, стр. 435 и схема на той же стр.). Эти примеры лишней раз показывают, как важно для исследования исторической битвы на Чудском озере провести основательный источниковедческий анализ и какой вред и для исследователей, и для популяризаторов приносит легкомысленное отношение к источникам.

⁶ М. Н. Тихомиров. 1) Борьба русского народа с немецкой агрессией (XII—XIII вв.). Знамя, 1939, № 3, стр. 220—229; 2) Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1941; 3) О месте Ледо-

Почти все исследовательские работы советских ученых о Ледовом побоище выполнены за последние 10—15 лет.⁷ Наибольшее внимание ученых привлекал вопрос о месте Ледового побоища; данному вопросу были посвящены и полевые исследования экспедиции Академии наук (результаты которых публикуются в настоящем томе).⁸ Некоторые авторы специально изучали битву на Чудском озере с военно-исторической точки зрения.⁹ Исследовалась также предыстория Ледового побоища.¹⁰ Была сделана и первая в нашей ли-

вого побоища. Изв. Акад. наук, сер. истории и философии, М., 1950, № 1, стр. 88—91; 4) Сражение на Неве. Военно-истор. журн., 1940, № 7, стр. 96—102.

⁷ В. Т. Пашуто. 1) Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1951, стр. 89—100 (к сожалению, автор этой серьезной и основательной книги тоже отдал дань домыслу А. И. Козаченко о «засадной дружине»; в тексте книги этого домысла нет, но на схеме построения войск на стр. 90 засадная дружина изображена на «положенном» месте); 2) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, стр. 181—191; 3) Очерки истории СССР. XII—XIII вв. М., 1960, стр. 152—158; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1952, стр. 845—852; А. А. Дризул. Выдающееся событие в истории латышского народа. Большевик советск. Латвии, 1949, № 6, стр. 29—37; см. также работы, упоминаемые в прим. 8—11.

Несколько работ исследовательского характера о Ледовом побоище было опубликовано уже в предвоенное время и в годы Великой Отечественной войны. Кроме цитированных выше работ М. Н. Тихомирова, см. также: Н. П. Грацианский. Немецкая агрессия в Прибалтике в XII—XV вв. Историк-марксист, 1938, № 6, стр. 95—97; В. Т. Пашуто. Александр Невский. Уч. зап. Лен. гос. унив., сер. историч. наук, вып. 3, Л., 1939, стр. 70—72; А. А. Савич. Борьба русского народа за свою независимость на северо-западном окраине в середине XIII в. Уч. зап. Моск. гос. пед. инст. им. К. Либкнехта, № 4, сер. историч., вып. 2, М., 1939, стр. 22—26; С. В. Бахрушин. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой агрессией в XIII в. Вестн. Акад. наук, 1942, № 4, стр. 62—68; Е. А. Косминский. Ледовое побоище. Вестн. Акад. наук, 1942, № 4, стр. 89—95; В. И. Пичета. Александр Невский. Ташкент, 1942, стр. 27—36.

⁸ М. Н. Тихомиров. О месте Ледового побоища; Э. К. Паклар. Где произошло Ледовое побоище? Истор. зап., № 37, М., 1951, стр. 304—316; Г. Н. Караев. 1) Новые данные, разъясняющие указания летописи о месте Ледового побоища. Тр. Отд. древнерусск. лит. Инст. русск. лит. АН СССР, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 154—158; 2) Новые материалы о поисках места Ледового побоища. К итогам работ комплексной экспедиции Академии наук СССР летом 1958 г. Военно-истор. журн., 1959, № 3, стр. 117—122; 3) Новые данные о месте Ледового побоища. (К завершению работ комплексной экспедиции Инст. археологии АН СССР). История СССР, 1963, № 6, стр. 57—75; М. Ангарский. К вопросу о поисках места Ледового побоища. Военно-истор. журнал, 1960, № 6, стр. 110—118.

⁹ А. А. Строков. 1) Военное искусство Александра Невского. В сб.: О начальных этапах развития русского военного искусства, М., 1951, стр. 92—100; 2) История военного искусства, т. I, М., 1955, стр. 254—267. См. также работы Г. Н. Караева, цитированные в прим. 8.

¹⁰ И. П. Шаскольский. Палская курия—главный организатор крестной агрессии 1240—1242 гг. против Руси. Истор. записки, № 37, М., 1951, стр. 169—188; Б. Я. Рамм. Палство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959, стр. 111—134.

тературе попытка источниковедческого анализа одного из главных источников для изучения Ледового побоища — «Рифмованной хроники».¹¹

Перед советскими историками, обращавшимися к изучению битвы на Чудском озере, обычно сразу же возникали значительные трудности, не всеми авторами осознанные, но заметно отражавшиеся на результатах их работы — неразработанность данной темы в источниковедческом плане. Это касается и русских источников, и особенно источников западного происхождения. До сих пор в русской историографии не было специальных исследований источников о Ледовом побоище, и это обстоятельство вынуждало каждого автора, желавшего не просто переписывать рассказ своих предшественников (как это делали авторы многих популярных работ), самому в меру своих возможностей разбираться в сохранившихся источниках; но, не зная специфических особенностей этих источников, многие авторы принимали за реальные факты литературные домыслы и украшательства, имеющиеся в тексте жития Александра Невского (особенно — в его поздних редакциях) и в тексте ливонской «Рифмованной хроники».

Поэтому назрела настоятельная необходимость произвести специальное изучение всех сохранившихся источников, освещающих историческое сражение на Чудском озере.

РУССКИЕ ИСТОЧНИКИ

Рассказы о Ледовом побоище русских летописей и Жития Александра Невского являются основными источниками, сообщающими о событиях, происшедших 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера — о времени, месте, характере и ходе сражения. Однако до сих пор вопрос о сравнительной ценности и достоверности этих рассказов в научной литературе не обсуждался.

По словам одного из исследователей, Э. К. Паклара, «копираясь на известный летописный рассказ — на тексты Новгородских (главным образом Новгородской 1-й) — Псковских, Софийских, Никоновской летописей, различные авторы высказывали весьма разноречивые мнения о месте Ледового побоища».¹ Рассказ о Ледовом побоище в летописях разного происхождения представлялся большинству историков единым и относительно достоверным. При цитировании предпочтение отдавалось тексту Новгородской 1-й летописи, как наиболее обстоятельному и компактному, но, кроме него, охотно цитировались и наиболее яркие отрывки из Софийской 1-й летописи, Воскресенской, Симеоновской и других летописей и из Жития Александра Невского, дополняющие характеристику Ледового сражения яркими батальными сце-

¹¹ В. Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 102—108.

¹ Э. К. Паклар. Где произошло Ледовое побоище? Истор. зап., т. 37, М., 1951, стр. 304.

нами и отдельными реалиями (А. И. Козаченко, А. А. Савич, А. И. Яковлев, В. Т. Пашуто, Э. К. Паклар, А. А. Строков, Е. А. Разин, С. В. Липицкий и многие другие). При этом историки пользовались источниками некритически, т. е. не отделяя исторически достоверных известий от литературного вымысла, не учитывая время и место происхождения цитируемых ими рассказов о Ледовом побоище. Очень часто исследователи обращались к литературному произведению — Житию Александра Невского, считая его свидетельства абсолютно достоверными. Так например, А. И. Козаченко пишет: «До нас дошло сказание „О велице князе Александре“. Автор этого сказания был современником Александра, знал его и был свидетелем его подвигов, был „самовидецъ возраста его“. Этот свидетель имел возможность и сам видеть и слышать от участников похода и от самого князя Александра о настроении русского войска. Продолжение сказания в погодной записи, посвященной событиям 1242 года, подтверждает, что и летописец заметил необыкновенный подъем духа, царивший в русском войске перед битвой на Чудском озере. Войско заявляло единодушно, что оно готово положить свои головы за Русь, за народ, возглавляемый витязем Александром Невским: „Тако бо баше у князя великого Александра множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда царя силнии и крѣпции; тако же воя великого князя Александра исполнишася духа ратна: бяху бо сердца ихъ же, акы лвомъ, и ркоша: „О княже нашъ честный и драгий! Нынѣ приспѣ время положити главы своя за тя“».² И далее: «Это было невиданное по ожесточению сражение. Треск от ломающихся копий, звуки ударяющихся мечей, топоров наполнили воздух. Кровь скоро покрыла место боя, и красные ручьи начали разливаться по льду. Летописец со слов очевидца пишет: „И бысть ту съча зла и велика Нѣмцемъ и Чюди, и трускъ отъ копей ломления и звукъ отъ мечного съчения, яко же морю померзшую двинути. И не бѣ видети леду: покрыло бо есть все кровию“».³

Однако ни древнему летописцу, ни свидетелю подвигов князя Александра, ни несуществующему сказанию «О велице князе Александре» рассказы «о необыкновенном подъеме духа» в русском войске и подробное описание сечи не принадлежат. Эти рассказы являются литературным домыслом монаха Рождественского монастыря во Владимире, составленного в 80-е годы XIII в. Житие Александра Невского, и основаны на традиционной литературной манере описания сражений того времени, а не на впечатлении очевидцев. Если верить автору Жития, то «самовидецъ» не только слышал пламенную речь дружинников Александра и горячую молитву князя на поле битвы, но и видел «полк божий на въздусѣ», пришедший на помощь великому князю Александру Ярославичу. Такое безграничное и слепое дове-

² А. И. Козаченко. Ледовое побоище. М., 1938, стр. 43. То же в кн.: Народ-богатырь (IX—XIII вв.). М., 1948, стр. 90 (в дальнейшем — по 1-му изданию). — Текст Софийской 1-й летописи цитируется по: ПСРЛ, т. V, 1-е изд. 1848, стр. 180.

³ Там же, стр. 46.

рие историка к своему источнику может неожиданно привести его к признанию достоверности «чудес».⁴

Об исторической ценности известных литературного произведения Жития Александра Невского справедливо пишет академик М. Н. Тихомиров: «Составитель упомянутой биографии Александра (Жития Александра Невского, — Ю. Б.) сравнивает его с известными историческими лицами; по красоте — с Иосифом Прекрасным, по силе — с библейским Самсоном, по храбрости — с римским императором Веспасианом, взявшим и разорившим Иерусалим. Тот же биограф добавляет, что Александр имел „возраст (т. е. рост, — М. Т.), паче иных человек, глас его, яко труба в народе“. На этом основании некоторые историки довольно наивно представляли Александра Ярославича человеком громадного роста, с зычным, трубоподобным голосом. На самом деле эти сравнения дают очень мало для суждения о внешности героя — князя, т. е. они заимствованы из книжных источников, хотя и говорят о том, что Александр производил на современников незаурядное впечатление».⁵ По справедливому замечанию Тихомирова, все это относится к области литературы, а не к истории.

Однако некоторые историки даже после выхода в свет упомянутой выше работы М. Н. Тихомирова все еще продолжают слепо верить в буквальную достоверность известий литературного Жития: «Летописцы, которые обычно не распространяются о внешности других князей, — пишет А. И. Яковлев, — любят изображать наружность Александра. Из их описаний мы заключаем, что он был очень хорош собой, могуч, высок ростом, широк в плечах и обладал звучным голосом. Когда он говорил с шумным новгородским вечем, то голос его, по словам летописца, „гремел, как труба“».⁶ Как мы видим, Яковлев пользуется известиями Софийской 1-й или Воскресенской летописи, не задумываясь над тем, что эти известия проникли в летопись из литературного Жития Александра Невского.

В. Т. Пашуто, например, пишет: «Не удалось крестоносным грабителям „укорить Словенский язык ниже себе“, ссылаясь при этом на текст Новгородской 1-й летописи младшего извода и не указывая, что эти слова принадлежат не летописцу, а автору Жития Александра Невского».⁷ А. И. Козаченко пишет следующее: «Орден бросил клич, призывавший к покорению русских. Рыцари, по свидетельству летописца, так и говорили, хвалясь: „Укорим Словенский язык!“».⁸ И далее: «В марте 1242 года под началь-

⁴ Как, например, у клерикального историка Н. А. Клепинина (см. Н. А. Клепинин. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. Париж, 1929, стр. 101—103).

⁵ М. Н. Тихомиров. Сражение на Неве. Военно-истор. журн., М., 1940, № 7 (12), стр. 99.

⁶ А. И. Яковлев. Разгром немецких псов-рыцарей в XIII веке. Александр Невский. Из цикла лекций по истории СССР. М., 1944, стр. 2.

⁷ В. Т. Пашуто. Решающие победы русского народа над шведскими и немецкими захватчиками (1240—1242 гг.). В кн.: Очерки по истории СССР. Период феодализма (XI—XV вв.), ч. I. М., 1953, гл. 5, § 2, стр. 851.

⁸ А. И. Козаченко. ук. соч., стр. 40.

ством брата Александра — князя Андрея прибыли низовые полки. Это была помощь „в множестве дружины“, как говорит современник. Можно сказать, что войско, собранное Александром, было первым многочисленным войском, которое Русь собрала после разгрома ее татарами». ⁹ В том же духе пишет и С. В. Липицкий: «„Унизим славянский язык“, — говорили рыцари, собираясь в поход... Спесивые рыцари не сомневались в успехе похода и хвастливо заявляли: „Пойдем победим великого князя Александра и имем его руками“». ¹⁰ Ни Пашуто, ни Козаченко, ни Липицкий не учитывают, что похвальба врага перед битвой и выражение «во множестве дружины» не могут иметь силу исторического источника, так как являются проявлением средневекового этикета в литературе (трафарет ситуаций и трафарет формул).

Военный историк А. А. Строков пишет: «Наш летописец сообщает: „Они же горди, совокупишася и реша: Пойдем, победим великого князя Александра и имем его руками“», ¹¹ ссылаясь на текст Софийской 1-й летописи, не указывая, что эти слова принадлежат не летописи, а Житию Александра Невского, и не замечая, что переданы они в Софийской 1-й летописи с искажением: вместо «ини же городи» — «они же горди».

Другой военный историк Е. А. Разин пишет: «Судя по летописным миниатюрам, боевой порядок был обращен тылом к обрывистому крутому берегу озера, а лучшая дружина Александра укрылась в засаде за одним из флангов». ¹² Очевидно, Разин имеет в виду миниатюры Лаптевского тома Лицевого летописного свода третьей четверти XVI в., изображающие Александра Невского с войском у Вороньего Камня, встречу с рыцарским войском на льду Чудского озера и Ледовое побоище. ¹³ Однако на основании этих миниатюр невозможно судить ни о боевом порядке войск, ни о засадном полке. «Средневековые миниатюры, — пишет А. В. Арциховский, — являются не столько зарисовками средневековых городов и войск, сколько условными схемами, живущими своей книжной жизнью... Миниатюристы вообще верно следовали тексту, тем не менее сведения, сообщаемые текстом рукописей, в рисунках иногда существенно дополнены, иногда своеобразно истолкованы». ¹⁴ Миниатюрист третьей четверти XVI в. искусно, в условной, символической манере, иллюстрировал текст Никоновской летописи о Ледовом побоище (лл. 931 об.—940). Текст Никоновской летописи внизу под миниатюрой на л. 937 об. читается следующим образом: «И, укрепився силою крестною, ополчвси поиде на них, наступиша же озеро Чюдское. Бысть же обох множество велми. Отедь же его великий князь Ярославъ Всеволодич

⁹ Там же, стр. 41.

¹⁰ С. В. Липицкий. Ледовое побоище, М., 1964, стр. 43, 44.

¹¹ А. А. Строков. История военного искусства, т. I, М., 1955, стр. 261.

¹² Е. А. Разин. История военного искусства, т. II, М., 1957, стр. 160. В таком же духе недавно высказывался и С. В. Липицкий (Ледовое побоище, стр. 46).

¹³ Рукопись ГПБ, F IV 233, лл. 937 об.—938 об.

¹⁴ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, стр. 3.

прислал бѣ ему на помочь брата его меншаго князя Андрѣа со множеством вой своих. Тако бо бяше у великаго...».

Очевидно, миниатюрист попытался изобразить в правом верхнем углу князя Ярослава в городе, посылающего князя Андрея с дружиной на подмогу князю Александру, в левом верхнем углу — князя Андрея с дружиной, а в центре — встречу русского и немецкого войск на льду Чудского озера. Никакого засадного полка на миниатюре нет (рис. 1).

Некоторые историки, признавая, что Житие Александра Невского является главнейшим источником и оказало большое влияние на летописные рассказы о Ледовом побоище, тем не менее строят свои работы на неопределенном сводном тексте рассказа о Ледовом побоище. Так, например, А. А. Савич пишет следующее: «Главнейшим источником, на основании которого мы восстанавливаем историю победы новгородского князя Александра Ярославича Невского над шведами в 1240 г. и немцами в 1242 г., является его Житие».¹⁵ И далее: «Мы в настоящем докладе не подвергаем изучению проблему, в каком из летописных сводов наиболее точно передается первоначальный текст Жития Александра Невского. Отдельные варианты Жития, очень часто — результат редакторской руки составителя того или иного свода, не вносят существенных изменений в рассказы о Невской и Чудской победах Александра Невского над врагами русского народа. Варианты эти интересны в том отношении, что они показывают нам, как жил и развивался текст самого Жития».¹⁶

Однако в дальнейшем А. А. Савич так ни разу и не обратился к тексту первой редакции Жития Александра Невского — он излагает ход Ледового побоища по Новгородской 1-й, Псковской 1-й, Воскресенской, Львовской, Никоновской летописям, так и не выяснив, какое же отношение эти тексты имеют к Житию Александра Невского и как они соотносятся между собой.¹⁷

В настоящей работе мы попытаемся восполнить этот пробел, выяснить взаимоотношение всех русских письменных источников о Ледовом побоище между собой и определить их сравнительную ценность как исторического источника.

По месту своего происхождения все ранние письменные известия XIII в. о Ледовом побоище можно разделить на следующие группы: I — новгородские, отразившиеся в Новгородской 1-й летописи старшего извода; II — псковские, отразившиеся в Псковских 1-й, 2-й и 3-й летописях; III — ростовские, отразившиеся в Суздальской летописи; IV — суздальские, отразившиеся в Лаврентьевской летописи; V — владимирские ранние, отразившиеся в Житии Александра Невского первой редакции. В шестую группу мы условно выделяем владимирские поздние известия, отразившиеся во «Владимирском летописце» XVI в. Каждая из первых пяти групп известий XIII в. возникла независимо одна от другой, имея своим прямым и непосредствен-

¹⁵ А. А. Савич. Борьба русского народа за свою независимость на северо-западной окраине в середине XIII века (1240—1242 гг.). Уч. зап. МГПИ им. К. Либкнехта, № 4, сер. истор., вып. 2, М., 1939, стр. 11.

¹⁶ Там же, стр. 13—14.

¹⁷ Там же, стр. 24—26.

ным источником события, происшедшие на льду Чудского озера в начале апреля 1242 г.

1. Наиболее обстоятельный и подробный рассказ о Ледовом побоище находится в Новгородской 1-й летописи старшего извода (рис. 3).

«В лѣто 6750. Пойде князь Олександръ с Новгородци и с братомъ Андрѣемъ и с Низовци на Чюдьскую землю на Нѣмци и зая вси пути и до Пльскова. И изгони князь Пльсковъ, изьима Нѣмци и Чюдь, и сковавъ, поточи в Новьгородъ, а самъ пойде на Чюдь. И яко быша на земли, пусти полкъ весь в зажития, а Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша в розгонѣ, и усрѣтоша я Нѣмци и Чюдь у моста, и бишася ту. И убиша ту Домаша, брата посадника, мужа честна, и инѣхъ с нимъ избиша, а инѣхъ руками изьимаша, а инии къ князю прибѣгоша в полкъ. Князь же въспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдь поидоша по нихъ. Узрѣвъ же князь Олександръ и Новгородци, поставиша полкъ на Чюдьскомъ озерѣ, на Узмени, у Воронѣя камени. И наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чюдь, и прошибошася свиныею сквозѣ полкъ. И бысть съча ту велика Нѣмцемъ и Чюди. Богъ же и святая Софья и святою мученику Бориса и Глѣба, еюже ради Новгородци кровь свою проляша, тѣхъ святыхъ великими молитвами пособи богъ князю Александру. А Нѣмци ту падоша, а Чюдь даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми верстѣ по льду до Субольческаго берега. И паде Чюди бещисла, а Нѣмецъ 400, а 50 руками яша и приведоша в Новьгородъ. А бишася мѣсяца априля въ 5, на память святого мученика Клавдия, на похвалу святыхъ Богородица, в суботу».¹⁸

В Синодальном списке этот рассказ написан третьим полууставным почерком 30-х годов XIV в., однако, очевидно, он восходит к одному из новгородских летописных сводов середины XIII в., составлявшихся при церквях св. Якова и св. Софии.¹⁹ Этот рассказ имеет специфическую новгородскую окраску (говорится о помощи св. Софии и князей Бориса и Глеба, в отличие от псковских летописей, где говорится о помощи св. Троицы) и сообщает интересные подробности:

1) в освобождении Пскова участвовали, кроме новгородцев с князем Александром, суздальцы с братом Александра князем Андреем;

2) прежде чем изгнать немцев из Пскова, князь Александр занял все дороги, ведущие к городу;

3) изгнав немцев из Пскова, князь Александр отправил пленных в Новгород, а сам перенес военные действия на Чудскую землю;

4) Домаш Твердиславич, брат посадника, и Кербет были отправлены в «розгон», т. е. в конную разведку,²⁰ в то время как основные силы были заняты военной операцией с целью сбора продовольствия и фуража у населения вражеской стороны;²¹

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1950, стр. 78 (по Синодальному списку XIII—XIV вв.).

¹⁹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 128—132; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 440—443.

²⁰ Материалы для терминологического словаря древней России. Составил Г. Е. Кочин. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1937, стр. 295 («Розгон»).

²¹ Там же, стр. 118—119 («Зажитье»).

Ноукрепнѣе снѣговѣ крѣпнѣ . ѿполучи снѣго
 на деннѣ . на снѣгѣ и шѣла зеротѣе кое . бы
 обоимѣ шѣе стѣво шѣамн . ѿць же сѣго шѣн
 кнѣи съгрѣсла шѣа пѣполоди . присла кѣм
 на по мочѣ браша сѣго мѣншаго кнѣа и дрѣа
 сомнѣ стѣпо шѣнѣой . та шѣо вѣдшѣ рѣнѣнѣа

Рис. 1. Ледовое побоище (рисунок из Лаптевского списка Лицевого свода).

5) русская разведка встретила немцев на гати, «у моста» (может быть, около нынешнего Моосте) и была разгромлена: Домаш Твердиславич был убит, а остальные были либо взяты в плен, либо бежали к князю Александру;

6) узнав о движении немецких сил, князь Александр повернул обратно на лед Чудского озера;

7) немцы и чудь стали его преследовать;

8) князь Александр поставил свои войска на Узмени, у Вороньего Камня;

9) немцы и чудь пробили строй русского войска «свиньею», но были разгромлены;

10) бегущих врагов русские преследовали и били на протяжении 7 верст до Суболичского берега;

11) потери немцев составили 400 человек убитыми, 50 — пленными, потери чуди были большими — «бещисла»;

12) дата Ледового побоища — 5 апреля 1242 г., суббота, день памяти «мученика» Клавдия и похвалы богородице;

13) всех пленных привели в Новгород.

В этом рассказе особо подчеркивается (трижды) роль новгородцев в битве. Полнота и точность являются характерными чертами новгородского рассказа о Ледовом побоище. Прав М. Н. Тихомиров, когда он пишет: «Наиболее древним летописным свидетельством надо считать запись о битве на Чудском озере в Синодальном харатейном списке XIV века... Заметка новгородской летописи — самая древняя по происхождению и сделана каким-либо новгородцем, судя по термину „Низовци“, которым в Новгороде обозначали жителей Владимиро-Суздальской земли. Об этом же говорит и характерная фраза: „Узрѣвъ же... Олександръ и Новгородци“, а также отсутствие упоминания о псковичах, которые были только что освобождены от немецких захватчиков».²²

II. Интерес для историка представляют летописные записи псковичей, бывших участниками описываемых событий.

Псковская
1-я летопись
(по Тихановскому
списку)

«В лѣто 6750. Пришед князь Александръ и изби Нѣмецъ во градъ Псковъ, и градъ Псковъ избави от безбожныхъ Нѣмецъ, помощию святыя троица. И бишася с ними на

Псковская
2-я летопись

«В лѣто 6750. Князь Александръ, помощию святыя троица, изби Немецъ во Пскове, и тако избави град Псковъ от иноплемennыхъ Немецъ; и бися с ними на леду и одолѣ,

Псковская
3-я летопись

«В лѣто 750. Александръ князь изби Немецъ въ Псковѣ и град Псковъ избави от безбожныхъ иноплеменик Немецъ помощию святыя троица. И бися с ними на леду; и по-

²² М. Н. Тихомиров. О месте Ледового побоища. Изв. АН СССР, сер. истор. и философии, т. VII, М., 1950, № 1, стр. 88—89.

леду; и пособи богъ князю Александру и мужемъ Новгородцемъ и Псковичамъ; овы избѣ и овы связавъ босы поведе по леду. Сий бой бысть месяца апрѣля въ 1 день; и бысть во градѣ Псковѣ радость велия. И рече князь Александръ: «О муже Псковичи, се же вамъ глаголю: аще кто и напослѣдъ моихъ племенникъ^а или прибѣжитъ кто в печали или тако придетъ жити во градъ Псковъ, а вы его не примете и не почтете его, и наречетесь вторая Жидова».²³

месяца апреля 1, овы избѣ, овы извязавъ поведе босы по леду. И тако клятвою извѣща Псковичемъ, глаголя: «Аще кто и напослѣдъ моихъ племенникъ прибѣжитъ кто в печали или такъ придетъ к вамъ пожити, а не примете, ни почтете его акы князя, то будѣте окаанни и наречетесь вторая Жидова, распенши Христа».²⁴

соби богъ князю Александру и мужемъ Новгородцемъ и Псковичемъ, ови избѣ, ови извяза, руками поймав, и повѣде босы по леду, апреля 1, и бысть во Пскове радость велика. И рече Александръ Псковичемъ: „Се же вамъ глаголю: аще напослѣдокъ моихъ кто сопляменникъ или кто прибежитъ в печали или такъ придетъ жити к вамъ во Псковъ, а не примѣте его, а не почтете его, и наречетесь втораа Жидова“.²⁵

^а Исправлено по Псковской 2-й летописи, в рукописи «пленник».

А. Н. Насонов считает, что запись о Ледовом побоище в Псковских 1-й и 2-й летописях относится к числу древнейших псковских летописных записей середины XIII в. В это время в Пскове при церкви св. Троицы начинается создаваться летописный свод, впоследствии послуживший источником протографа псковских летописных сводов середины XV в.²⁶ По поводу этой записи М. Н. Тихомиров замечает: «Замечательнее всего, что псковские летописи не сообщают ничего дополнительного об этой памятной битве и только в число участников битвы вставляют псковичей».²⁷ Однако это не совсем так. Из псковских летописей мы узнаем следующие факты: 1) в 1242 г. князь Александр вначале освободил г. Псков от немцев, 2) а затем бился с немцами на льду 3) при помощи войска, состоявшего из новгородцев и псковичей; 4) победил немцев 1 апреля 5) и повел пленных в Псков «босыми» по льду озера; 6) в Пскове была большая радость по случаю победы; 7) князь Александр обратился к псковичам с укоризненной речью, призывая их никогда не забывать то, что он сделал для Пскова, и всегда с исключительным вниманием принимать у себя князей из его рода.

На наш взгляд, эта речь может быть истолкована не как подлинная речь князя Александра, обращенная к соучастникам измены посадника Твердылы Иванковича, а как речь самого летописца, сочувствовавшего суздальским

²³ Псковские летописи, вып. 1. Приготовил к печати А. Н. Насонов. М.—Л., 1941, стр. 13.

²⁴ Псковские летописи, вып. 2. Под. ред. А. Н. Насонова. М., 1955, стр. 21.

²⁵ Псковские летописи, вып. 2, стр. 87—88.

²⁶ А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. Истор. записки, т. 18, М., 1946, стр. 287.

²⁷ М. Н. Тихомиров. О месте Ледового побоища, стр. 89.

князьям из рода Александра Ярославича Почти сто лет, до середины XIV в., военная власть над Псковом находилась у князей, связанных с этим родом: у Андрея (1252 г.) и Ярослава (1253—1254 гг.), братьев Александра Невского; Василия (1257 г.), сына Александра Невского; Святослава Ярославича (1264—1266 гг.), племянника Александра Невского; литовского князя Довмонта — Тимофея (1266—1299 гг.), женатого на Марии, внучке Дмитрия, сына Александра Невского и т. д.²⁸ Не исключена возможность, что псковский летописец знал местное предание о какой-то речи, произнесенной князем Александром после Ледового побоища. Однако точной записи этой речи не сохранилось и летописец прибегнул к импровизации. Судя по тому, что летописец как бы призывает псковичей помнить о военных заслугах князя Александра и хорошо принимать князей из его рода, можно предполагать, что «речь князя Александра» была составлена во второй половине XIII в. и, следовательно, вся летописная запись псковских летописей о Ледовом побоище датируется второй половиной XIII в. Все остальные известия псковских летописей, за исключением неверно названной даты — 1 апреля, кажутся нам вполне заслуживающими доверия.

III. Ростовские летописные известия о Ледовом побоище, отразившиеся в Академическом списке Суздальской летописи, отличаются лаконичностью:

«В лето 6750. Ходи Александръ Ярославичъ с Новъгородци на Нѣмци и биса с ними на Чюдскомъ озерѣ, у Ворониа камня, и побѣди Александръ и гони по льду 7 верстъ, съкучи их».²⁹

Эти записи, составленные в Ростове при епископской кафедре и вошедшие в ростовский свод 60—70-х гг. XIII в.,³⁰ сообщают только лишь три факта: (1) битва князя Александра с немцами состоялась в 1242 г. (2) на Чудском озере, у Вороньего Камня (3) и окончилась полной победой русских, гнавших врагов по льду 7 верст. Этот же летописный рассказ читается в тексте реконструированной М. Д. Приселковым Троицкой летописи и в Летописном своде XV в.³¹

IV. Суздальский рассказ о Ледовом побоище находится в Лаврентьевской летописи, составленной в 1377 г. монахом Лаврентием. Эта летопись представляет собой «Летописец 1305 г.», отразивший в известиях 40-х годов XIII в. ростовское или суздальское летописание.³²

²⁸ Евгений, митрополит [Е. Болховитинов]. История княжества Псковского, ч. I. Киев, 1831, стр. 84—85.

²⁹ ПСРЛ, т. I, изд. 2-е. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Приложение. Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Л., 1928, стлб. 523.

³⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 98; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 283.

³¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 321; А. Н. Насонов. Летописный свод XV века (по двум спискам). В кн.: Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 294.

³² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 96—106.

«В лето 6750. Великий князь Ярослав посла сына своего Андрѣя в Новгородъ Великий, в помощь Олександрови на Нѣмци, и победиша я за Плесковом на озерѣ, и полонъ много плѣнниша, и возвратися Андрѣй къ отцю своему с честию».³³

Этот рассказ подробно проанализирован М. Н. Тихомировым. Он пишет следующее: «Известие Лаврентьевской летописи интересно тем, что оно сохранило суздальскую версию о битве на Чудском озере. В этой версии ни слова не сказано о новгородцах и только упоминается о главном герое битвы Александре, вся честь битвы приписана Андрею, об участии которого в битве в свою очередь молчат новгородские летописи. Таким образом, перед нами несомненное суздальское известие, причем известие древнее, потому что князь Андрей Ярославич не представлял собой фигуры, которая оставила благодарный след у потомков и современников».³⁴

У. Владимирский ранний рассказ о Ледовом побоище отразился в Житии Александра Невского первой редакция, составленной в Рождественском монастыре во Владимире в 80-е годы XIII в. младшим современником князя, — монахом Рождественского монастыря во Владимире. Приводим здесь текст рассказа о Ледовом побоище по реконструированному нами первоначальному тексту.³⁵

«По побѣдѣ же Олександровѣ, яко же побѣди короля, в третий год, в зимнее время, поиде на землю Немецкую в велицѣх силѣх, да не похвалятся, ркуще: „Укоримъ Словенскый языкъ ниже себе“. Уже бо бяше град Плесковъ взят, и тиуни их посажени. Тѣх же князь Олександро изыма, град Плесковъ свободи от плѣна. А землю их повоева и пожже, и полона взя бес числа, а овѣх иссече. Ини же гради совокупишася Нѣмчестии и рѣкоша: „Пойдемъ и побѣдим Олександра и имемъ его рукама“. Егда же приближишася ратнии, и почюша я стражие Олександрови. Князь же Олександръ опльчися и поидоша противу себе, и покриша озеро Чюдское обои от множества вон. Отець же его Ярославъ прислалъ бѣ ему брата меньшаго Ондрѣя на помощь въ множество дружинѣ. Тако же и у князя Олександра бяше множество храбрых, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпции. Тако и мужи Олександрови исполнишася духом ратнымъ: бяху бо сердца их, акы сердца львомъ, и рѣша: „О, княже нашъ честный! Нынѣ приспѣ время нам положить главы своя за тя“. Князь же Олександро, въздѣвъ руцѣ на небо, и рече: „Суди ми, боже, и разсуди прю мою от языка велерѣчна и помози ми, боже, яко же древле Моисѣови на Амалика и правдѣду моему Ярославу на океаннаго Святополка“.

Бѣ же тогда субота, възходящую солнцю, и съступишася обои. И бысть съча зла и трускъ от копий ломления и звукъ от съчения мечнаго, яко же и съзеру померзѣшю двинутиися. И не бѣ видѣти леду: покры бо ся кровию.

³³ ПСРЛ, т. I, вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. Л., 1927, стлб. 470.

³⁴ М. Н. Тихомиров. О месте Ледового побоища, стр. 89.

³⁵ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, тексты, стр. 190—192. — Подобный же текст рассказа о Ледовом побоище читается в одной из редакций Жития Александра Невского третьей четверти XVI в. (см.: Ю. К. Бегунов. К вопросу об изучении Жития Александра Невского. Тр. Отд. древнерусск. лит. Инст. лит. АН СССР, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 355—356).

Си же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видѣх полкъ божий на въздусѣ, пришедши на помощь Олександрови. И тако побѣди я помощью божиею, и даща ратнии плеща своя и съчахуть я, гоняще, аки по аеру, и не бѣ камо утѣши. Зде же прослави богъ Олександра предъ всѣми полкы, яко же Иисуса Наввина у Ерехона. А иже рече: „Имемъ Олександра рукама“, сего дасть ему богъ в руцѣ его. И не обрѣтете противникъ ему въ брани никогда же.

И возвратится князь Олександръ с побѣдою славною. И бяше множество много полоненыхъ в полку его, и ведяхуть я босы подле коний, иже именуютъ себе божию риторию.

И яко же приближися князь къ граду Плескову, игумени же и попове в ризахъ со кресты и весь народъ срѣтша и предъ градомъ, подающе хвалу богами и славу господину князю Олександру, поюще песнь: „Пособивый, господи, кроткому Давыду побѣдити иноплеменикы и вѣрному князю нашему оружиемъ крестнымъ и свободити градъ Плесковъ от иноязычникъ рукою Олександровою“.

О, невѣгласи плесковичи! Аще сего забудете и до правнучать Олександровыхъ, и уподобитесь Жидом, их же препита господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша и бога своего, изведшаго я от работы изъ Египта.

И нача слыти имя его по всѣмъ странамъ, и до моря Египетскаго, и до горъ Араратскихъ, и обону страну моря Варяжскаго, и до великаго Риму».

Житие Александра Невского — это типичное литературное произведение в жанре княжеского жизнеописания. Оно создано для прославления князя Александра Ярославича как непобедимого воина, подобного Веспасиану, Самсону, Давиду, заступника Русской земли и местнопочитаемого святого, поэтому в центре Жития находится образ князя, дорогой и близкий для современников, а исторические события являются не чем иным, как второстепенным фоном. Общей тенденцией автора Жития Александра Невского было стремление усилить церковную окраску рассказа о Ледовом побоище: князь Александр одерживает победу с помощью бога и «небесных сил», патрональных святых Пскова, Новгорода и Русской земли. Рассказ Жития о Ледовом побоище изобилует массой реминисценций и устойчивых формул, взятых из библейских книг, из паремийного чтения в честь Бориса и Глеба, из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, из южнорусских летописей (типа Галицко-Волынской летописи).³⁶ Как доказал В. И. Мансикка, автор Жития воспользовался описанием сражения между Ярославом Мудрым и Святополком Окаянным из паремийного чтения в честь Бориса и Глеба:

«И прииде Ярославъ в силѣ велицѣ и ста на Лтъ поле, идеже убиша Бориса; и възрѣвъ на небо, и рече: „Крѣвь брату моему възпѣть к тебѣ, владыко! Мсти крѣвь правдѣную, яко же мстилъ еси крѣвь Авълеву и положилъ на Каинѣ стѣнание и трясение; тако положи и на семь оканѣимъ“. И помоливъся и рече: „Брата моя, аще теломъ отшѣла еста отсуду, нѣ мо-

³⁶ В. Мансикка. Житие Александра Невского. (Разбор редакций и тексты). Памяти древн. письменности, т. CLXXX, СПб., 1913, стр. 31, 43—46; Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. Тр. Отд. древнерусск. лит. Инст. лит. АН СССР, т. V, М.—Л., 1947, стр. 47.

литвою ми помозита на противнаго сего и убийцю гордаго! И се ему рекшо, и поидоша противу сему, и покрыша поле Лытское обои отъ множества вои. Бѣ жь пятькъ тѣгда, възходящю солнцю, прислѣ бо во тѣ чинѣ Святопѣлкѣ с Пѣченѣгы, и съступишася обои, и бысть сѣча зла, и по удолисмъ кровь тѣчаше, и съступишася тришѣды, и омеркоша биющесе. И бысть громъ великъ и тутьнѣ, и дождѣ великъ, и мѣлния блистание. Егда же облистяху мѣлния, и блистахуся оружия в руках ихъ, и мнози вѣрнии видяху ангелы помогающа Ярославу. Святополкъ же, давъ плещи, побѣжь».³⁷

Описание победы и бегства врагов, как заметил еще В. И. Мансикка, сходно с подобным же описанием победы Тита над евреями у Генисаретского озера из третьей книги «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия: «Тит же и вои его, по полю гоняще, сѣчаху. И хотящим к граду бѣжати, и възвращаху, преже гнавше, мало же ихъ утѣче».³⁸ Автор Жития широко пользуется сравнениями и параллелями из библейской истории (из книги «Царств» и из книги Иисуса Навина): «мужи» Александра сравниваются с «сильными и крепкими» «храбрами» Давида, князь Александр, победивший немцев, — с кротким Давидом, победившим филистимлян; дважды — в уста молящегося на поле битвы князя и в уста встречающих князя-победителя горожан вкладываются вариации на темы псалмов Давида; возвращение князя Александра с Ледового побоища имеет параллель с возвращением Давида после победы над филистимлянами, а слава князя Александра — со славой Иисуса Навина и Давида.³⁹

Укоризненное обращение автора Жития к псковичам «о невеличии (неведжда, — Ю. Б.) псковичи» сходно с речью князя Александра в Псковских 1-й и 2-й летописях и, на наш взгляд, либо заимствовано автором Жития из псковской летописи второй половины XIII в., либо восходит к общему с ним источнику (псковскому преданию?).

Таким образом, рассказ Жития Александра Невского о Ледовом побоище может быть использован в качестве исторического источника лишь с большими ограничениями. Если из этого рассказа вычестъ все то, что приходится на долю заимствований, традиционных литературных формул и литературного вымысла, то останутся следующие факты, в пользу достоверности которых свидетельствуют и другие источники (например, Новгородская 1-я летопись старшего извода, Псковская и Суздальская летописи):

1) поход князя Александра на немецкую землю состоялся на третий (по мартовскому летосчислению) год после Невской битвы, т. е. зимой — 1242 г.;

2) Псков был освобожден от немцев, и военные действия были перенесены на немецкую территорию;

³⁷ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. В кн.: Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пгр., 1916, стр. 119—120.

³⁸ Н. А. Мещерский. «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, тексты, стр. 315.

³⁹ Подробное см.: В. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 19—26.

- 3) немецкие города объединились в военный союз, и их войска выступили навстречу русским;
- 4) дозорная стража первая заметила приближение немецких ратных;
- 5) князь Александр повернул назад и заставил противника выйти на лед Чудского озера;
- 6) князь Ярослав прислал на помощь дружину своего сына князя Андрея;
- 7) битва началась в субботу, на восходе солнца;
- 8) Ледовое побоище окончилось полной победой русских, преследовавших бегущих врагов;
- 9) в плен было взято много вражеских воинов и в том числе тот, кто хвастался перед битвой пленить князя Александра;
- 10) победители вели пленных рыцарей босыми возле своих коней;
- 11) горожане торжественно встретили князя Александра в Пскове.

Итак, большинство известий владимирского Жития восходит либо к известиям новгородским 2, 5, 8, либо к известиям псковским 1, 10, 11, либо к известиям суздальским 6. Новыми являются известия 3, 4, 7 и вторая часть известия 9, благодаря чему рассказ о Ледовом побоище Жития Александра Невского сохраняет ценность исторического источника.

По своим литературным достоинствам рассказ Жития о Ледовом побоище заслуживает высокой оценки. Глубоко эмоциональный, динамичный и патетичный, изобилующий традиционными литературными формулами, рассказ о Ледовом побоище относится к числу лучших образцов описания сражений в русской прозе XIII в.

Все остальные рассказы о Ледовом побоище в русских летописях и в различных редакциях Жития Александра Невского, хотя они и содержат богатый материал для изучения летописного и агиографического стилей, сами по себе почти никаких новых фактов о Ледовом побоище не содержат, так как в конечном итоге восходят к указанным выше группам известий. Наиболее распространенным среди них является рассказ, соединяющий известия новгородские и владимирские; этот рассказ впервые появляется под пером составителя Новгородско-софийского свода 30-х годов XV в. Он отразился в Новгородской 1-й летописи младшего извода (вторая редакция Жития Александра Невского).⁴⁰ Вторая редакция Жития Александра Невского известна нам в трех видах: в Новгородской 1-й летописи младшего извода (первый вид), в Софийской 1-й летописи (второй вид) и в Лихачевском сборнике конца XV в. (третий вид). Приводим текст рассказа о Ледовом побоище из Новгородской 1-й летописи младшего извода по Комиссионному списку.

«В лѣто 6750. Пойде князь Александръ с Новгородци и с братомъ Андрѣемъ и с Низовци на Чюдскую землю на Нѣмци, в зимѣ, в силѣ велицѣ, да не похвалятся,

⁴⁰ Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. Новгородск. истор. сб., вып. 9, Новгород, 1959, стр. 229—238.

ркуше: „Укоримъ Словеньскый языкъ ниже себе“. Уже бо бяше Псковъ взят, и тиюнъ их посаженъ. И князь Александръ зая вси пути до Плескова. И изгони князь Псковъ, и зяма Нѣмци и Чюдъ, и сковавъ, поточи в Новъгород, а самъ пойдена Чюдъ. И яко быша на земли, пусти полкъ всъ в зажитья, а Домашъ Твердислалицъ и Кербетъ быша в розгонѣ. И убиша ту Домаша, брата посадника, мужа честна, и иныхъ с нимъ избѣша, а иныхъ руками изимаша, а инѣ къ князю прибѣгоша в полкъ. Князь же въспятися на озеро, Нѣмци же и Чюдъ поидоша по нѣх. Узрѣвъ же князь Александръ и Новгородци, поставиша полкъ на Чюдьскомъ озерѣ, на Узменѣ, у Воронья камня. И наступиша озеро Чюдское, бяше бо обонх множество много. Бяше бо ув Олександра князя множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда цесаря силни, крѣпци. Тако же мужи Александрови исполнишася духа ратна, и бяху бо сердца имъ акы лвомъ, и ркоша: „О княже нашъ честный и драгий! Нынѣ приспѣ время положити главы своя за тя“. Князь же Александръ, въздѣвъ руцѣ на небо, и рече: „Суди, боже, и расуди прю мою от языка велегрѣшна. Помози ми, господи, яко же древле Моисиеви на Амалика и пражду моему Ярославу на оканьнаго Святополка“.

Бѣ бо тогда день суботный, възходящю солнцю, и наихаша полкъ Нѣмци и Чюдъ, и прошибоша ся свиньею сквозѣ полкъ. И бысть ту сѣча велика Нѣмцом и Чюдѣ, трускъ от копий ломления и звукъ от мечнаго сѣченна, яко и морю померзшыю двинутися. И не бѣ видѣти леду: покрыло всю кровню.

Се же слышакъ от самовидца, и рече ми, яко видѣх полкъ божи и на въздухъ, пришедшии на помощь Александровѣ. И побѣди я помощьюъ божиею и святой Софѣи и святую мученику Бориса и Глѣба, еюже ради древле крови прольяха. И Нѣмци ту падоша, а Чюдъ даша плещи и, гонящися, билѣ на 7 верьсть по леду до Соболичькаго берега. И паде Чюди бещисла, и Немѣць 500, а иныхъ 50 руками яша и привелоша в Новъгород. А бися априля въ 5, на память святого мученика Феодула, на похвалу святыхъ Богородица, в суботу. Здѣ же прослави богъ Александра предъ всѣми полки, яко Иисуса Навгина у Ерихона. Они же рекли: „Имемъ Александра руками“, и сихъ дасть ему богъ в руцѣ его. И не обрѣтется противникъ ему во брани никогда же.

Възвративъ же ся Александръ съ славною побѣдою, бяше бо полна множество в полку его, и ведяху ихъ подлѣ конь, иже именуются божи рыторы.

Яко приближися князь Александръ къ граду Пскову, и стрѣтоша его много народ, а игумены и попове в ризахъ такоже срѣтоша съ кресты и предъ градомъ, поюще славу господню князю Александру: „Пособивный господи кроткому Давыду побѣдити иноплеменики и вѣрному князю нашему оружьемъ крестьянымъ свободити градъ Псковъ от иноязычныхъ рукою Александровою“.

О невѣгласии пскововици! Аще се забудете до правнучать Александровѣ, уподобитесь Жидомъ, ихъ же препита господь в пустыни крастели печены. И сии всѣхъ забыша бога своего, изведшаго из работы египетския.

И нача слыти имя Александрово по всѣмъ странамъ, и до моря Хупожьскаго, и до горъ Аравитьскыхъ, и обону страну моря Варяжскаго, и до самого Рима.⁴¹

⁴¹ Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов, стр. 295—297. — Разрядкой отмечен текст, идентичный тексту Новгородской 1-й летописи старшего извода.

В рассказ о Ледовом побоище Новгородской 1-й летописи младшего извода сравнительно с рассказом Новгородской 1-й летописи старшего извода внесены лишь небольшие изменения: цифра убитых немцев «500» вместо «400» и вместо «на память святого мученика Клавдия» — «на память святого мученика Феодула». ⁴² Составителем Новгородско-Софийского свода 30—40-х гг. XV в., отразившегося в сокращенном виде в Новгородской 4-й и 5-й летописях, в летописи Авраамки, Рогожском летописце и в полном виде в Софийской летописи, были добавлены новые подробности: новгородцы взяли в плен «50 нарочитых воевод... а иных вода потопа, а инии злѣ язвени отбегоша». ⁴³ Только в Софийской 1-й летописи вместо «на память святого мученика Феодула» опять восстановлено — «на память святого мученика Клавдия».

Новым в Софийской 1-й летописи является известие о том, что немецкий «местерь» (гроссмейстер Ливонского ордена?) «съ всеми бискупы (епископами, — Ю. Б.) своими и съ всѣмъ множеством языка ихъ» вышел против князя Александра, «с помочью королевою», т. е., по всей вероятности, с военной помощью датского короля, во владении которого (с 1219 г. по 1346 г.) находилась Эстляндия. Однако источник, из которого заимствовано это известие, нам неизвестен. В остальном Софийская 1-я летопись повторяет текст, идентичный тексту Новгородской 1-й летописи младшего извода, с небольшими добавлением отдельных фраз и выражений из первой редакции Жития Александра Невского.

Приводим текст рассказа о Ледовом побоище из Софийской 1-й летописи по списку Оболенского.

«В лѣто 6750. Пойде великий князь Александръ Ярославичъ съ братомъ своимъ Андрѣемъ и с Новгородьци и с Низовци на Немецкую землю в силѣ велице, да не хвалитса, ркуше: „Укоримъ Словѣньскый языкъ, нежели себя“. Уже бо быше взять градъ Псковъ, и тиуни ихъ посажени въ градѣ. Великий же князь Александръ Ярославичъ зая всѣ пути до Пскова, и изгони градъ, и изывавъ Нѣмци и Чюдъ и намѣстники Немѣцкыя и сковавъ, и поточи в Новьгородъ, а градъ Псковъ свободи отъ плѣна. А землю ихъ повоева и пожже, и полона много взя, а иныхъ иссѣче. Они же гордни совокупишася и рѣша: „Пойдемъ, побѣдимъ великаго князя Александра и имемъ его руками“.

Егда же приближишася, и почюдишася страже великаго князя Александра Ярославича силѣ Немецкой. Самъ же великий князь Александръ поклонися святѣй Троицѣ и пойде на землю Немецкую, хотя мѣстити кровь крестьяньскую. Бѣ бо зима в то время, яко же бысть на земли ихъ. И пусти вся полкы своя в зажития, и Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша в розгонѣ. И убиша Домаша ту, брата посад-

⁴² В святцах, минеях и прологе день памяти Клавдия и Феодула — 5 апреля (см., например: Великие Минеи-Четьи. Апрель. Тетрадь 1. Дни 1—8. М., 1910, стлб. 162).

⁴³ ПСРА, т. IV, ч. 1. 2-е изд. Пгр., 1915, стр. 228; т. IV, ч. 2, вып. 1. 2-е изд. Пгр., 1917, стр. 219; т. XVI. СПб., 1829, стлб. 52; т. XV, вып. 1. 2-е изд. Пгр., 1922, стлб. 30; т. V, вып. 1. 2-е изд. Л., 1925, стр. 228.

нича, мужа добра, и иныхъ много избиша с нимъ, а иныхъ руками яша, а инья прибѣгоша къ великому князю в полкы. Се же слышавъ, мистеръ изыде противу ихъ съ всѣми бискупы своими и съ всѣмъ множествомъ языка ихъ и власти ихъ, что ни есть на сей сторонѣ, и съ помощью королевою. И снидоша на озеро, глаголемое Чюдское. Великий же князь Александръ Ярославичъ въспятися на озеро. Немѣцци же и Чюдь подошша по нихъ. Князь же великий постави полкы на озерѣ Чюдскомъ, на Узмени, у Воронья камени. Укрѣпився силою крестною и ополчився, поиде на нихъ. Наступиша же озеро Чудское, бысть же обоихъ множество велми. Отець же его, великий князь Ярославъ Всеволодичъ, прислалъ бѣ ему на помощь брата его меншаго, князя Андрѣя, со множествомъ вои своихъ. Ако бо быше у великаго князя Александра множество храбрыхъ яко же древле у Давида царя силани и крѣпции. Тако же воя великаго князя Александра исполнишася духа ратна: бяху бо сердца имъ, акы двомъ и ркоша: „О, княже нашъ, честный и драгий! Нынѣ приспѣ время положити главы своя за тя“. Великий же князь Александръ, въздѣвъ рущѣ на небо и рече: „Суди, боже и рассуди прю мою отъ языка велерѣчива. Помози ми, господи, яко же древле Моисѣви на Малика, и прадѣду моему великому князю Ярославу на окаяннаго Святополка“.

Бѣ бо тогда день суботный, възходящу солнцю, и съступишася обои полци, и Нѣмци же и Чюдь пробишася свиньею въсквозѣ полкъ. И бысть ту сѣча зла и велика Нѣмцемъ и Чюди, трускы отъ копий домления и звукъ отъ мечнаго сѣчения, яко же морю померзъшу двинутися. И не бѣ видѣти леду: покрыло бо есть все кровию.

Се же слышавъ отъ самовидца, и рече ми, яко видѣхъ полкы божи на въздусѣ, пришедше на помощь великому князю Александру Ярославичю. И побѣди я силою божиею и святыя Софьи и святую мученику Бориса и Глѣба, его же ради кровь свою прольяха. И даша ратни плещи своя на раны и сѣхавуть я, гоияци, яко по аеру, и не бѣ имъ камо утешти, и биша ихъ на 7 верѣсть по леду до Суболическаго берега. И паде Немѣць 500, а Чюди бесчислено множество. А руками яша Немѣць 50 нарочитыхъ воеводъ и приведоша я въ Новъгородъ, а иныхъ вода потопа, а инни злѣ язвени отбѣгоша. А бысть бой сий апрѣля мѣсяца въ 5, на похвалу святыя богородица, а на память святого мученика Клавдия. Здѣ же прослави богъ великаго князя Александра Ярославича предъ всѣми полкы, яко Исуса Навгина у Ерегона. Сии же ркли Нѣмци: „Имемъ великаго князя Александра руками“, и сѣхъ ему богъ предастъ в рущѣ его. И не обрѣтесе противникъ ему въ брани никогда же.

Възвратившу же ся великому князю Александру съ славною побѣдою, бяше же много полона въ полку его: ведяхуть бо я подлѣ кони, иже именуются риторы.

И яко же приближися великий князь Александръ Ярославичъ къ граду Пскову, и срѣтоша его съ кресты игумени и попове в ризахъ и народъ много предъ градомъ, поюще славу господню великому князю Александру Ярославичю: „Пособивы, господи, кроткому си Давиду побѣдити иноплеменики и вѣрному князю нашему оружиемъ крестнымъ свододити градъ Псковъ от иноязычникъ и от иноплеменикъ рукою великаго князя Александра“.

О невѣгласи псковичи! Аще забудете се и до правнучатъ великаго князя Александра Ярославича, уподобистесь Жидомъ, ихъ же препита господь въ пустыни крастели печеными. И забыша благодсть бога своего, изведшаго ихъ изъ работы егупетскыя Моисѣемъ. Се же вамъ глаголю: „Аще кто

приидеть и на послѣдь рода его великихъ князей или въ печали приѣхать к вамъ жити въ Псковъ, а не примите его или не почтете его, наречетея вторая Жидова“.

И нача имя слыти великаго князя Александра Ярославича по всѣмъ странамъ отъ моря Варяжескаго и до моря Понтейскаго, и до моря Хупожескаго, и до страны Тивирискыя, и до горъ Араратскихъ, обону страну моря Варяжескаго и горъ Аравитскихъ, даже и до Рима великаго. Распространи бо ся имя его предъ тмы тмами, предъ тысяща тысящами. И тако прииде къ Новугороду с великою побѣдою».⁴⁴

В Лихачевском сборнике и в третьей редакции Жития отразился этот же рассказ, но если в Лихачевском сборнике он дополнен отдельными словами и выражениями из первой редакции Жития,⁴⁵ то в третьей редакции этот рассказ сильно сокращен.⁴⁶ Через посредство московского летописания XV в. рассказ Софийской 1-й летописи о Ледовом побоище широко проникает в общерусское, тверское, ростовское, холмогорское, вологодское и псковское летописание XV—XVI вв. От текста первой редакции Софийской 1-й летописи зависят рассказы о Ледовом побоище в Никаноровской⁴⁷ и Вологодско-Пермской летописях,⁴⁸ от текста второй редакции Софийской 1-й летописи (близкого к списку Царского) зависят рассказы о Ледовом побоище в Московском своде конца XV в.,⁴⁹ Воскресенской,⁵⁰ Симеоновской⁵¹ летописях. В Ермолинской,⁵² Львовской,⁵³ Уваровской,⁵⁴ Прилуцкой,⁵⁵ Типографской⁵⁶ летописях и в Тверском сборнике,⁵⁷ восходящих в конечном итоге не к своду 1479 г., а к своду 1477 г., редактировавшим текст московского свода 1472 г.⁵⁸ рассказ о Ледовом побоище был значительно сокращен. Тенденция к сокращению своего источника, в том числе и к сведению на нет повествования об Александре Невском, на наш взгляд, также может быть объяснена местным

⁴⁴ ПСРЛ, т. V, вып. 1. 2-е изд. Л., 1925, стр. 226—229. Текст без разрядки идентичен тексту Жития Александра Невского.

⁴⁵ В. Мансикка. Житие Александра Невского, приложение, стр. 131—133.

⁴⁶ Там же, приложение, стр. 12.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, стр. 45—46.

⁴⁸ ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1949, стр. 80—81.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 134—135.

⁵⁰ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, стр. 150—151.

⁵¹ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 64—65.

⁵² ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 79—80.

⁵³ ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 160—161.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, стр. 55.

⁵⁵ Там же, стр. 213—214.

⁵⁶ ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1921, стр. 95—96.

⁵⁷ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стлб. 381—384.

⁵⁸ А. Н. Насонов. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания. Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, стр. 264—270; 2) Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 218—222.

характером летописания конца XV—начала XVI в., отразившегося в названных выше Ермолинской и других летописях. В стилистически переработанном и дополненном виде рассказ Софийской 1-й летописи встречается в Никоновской летописи.⁵⁹

Владимирский рассказ о Ледовом побоище из первой редакции Жития Александра Невского в соединении с известиями московских летописных сводов первой половины XVI в. нашел распространение в поздних редакциях Жития Александра Невского XVI—XVII вв.: во Владимирской редакции 1547—1552 гг.,⁶⁰ в редакции лсковича Василия-Варлаама середины XVI в.,⁶¹ в Степенной книге 1563 г.,⁶² в редакции Ионы Думина 1591 г.,⁶³ в Прологе,⁶⁴ в сокращенных редакциях XVII в. — Викентия и Тита.⁶⁵

Итак, основу известий о Ледовом побоище Новгородской 1-й летописи младшего извода и Софийской 1-й летописи, а также всех зависимых от них рассказов о Ледовом побоище других летописей составляют известия I группы (новгородские) и известия V группы (владимирские ранние). При их использовании как исторических источников необходимо принимать во внимание, что летописные тексты XV—XVII вв. значительно отстоят по времени от самого события (1242 г.) и за весь этот период неоднократно подвергались большому литературному редактированию.

VI. Владимирский поздний рассказ о Ледовом побоище отразился во Владимирском летописце XVI в. Приводим текст этого рассказа:

«Того же лѣта, в зиму, ходиша князь Александръ Ярославичъ Нѣвскій с Новгородци на Немци. И спешдшимся им на озере Плесковском и ту на озере том бысть бой великъ с Нѣмци. И победи Нѣмецъ Александръ князь, а Плесковъ взя опять Новугороду. В лѣто 6750. Посла князь великий Ярославъ сына своего князя Андрѣя в Великий Новѣгород в помощь сыну своему Александру на Нѣмцы. Придоша Нѣмци к Новугороду, и князь Александръ съ братом своим княземъ Андрѣем и с Новгородци стрѣтишяся с ними на Лѣдожском озере, и бысть бой великъ и побииша князь Александръ Нѣмецъ, а иных руками яша, а князь Ондрѣй възвратися

⁵⁹ ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, стр. 125—128. Сокращенный и переработанный рассказ Никоновской летописи о Ледовом побоище находится в так называемом «Погодинском сборнике» (см.: С. Н. Азбелев. Светская обработка Жития Александра Невского. Тр. Отд. древнерусск. литературы, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 15).

⁶⁰ В. Мансикка. Житие Александра Невского, приложение, стр. 22—24.

⁶¹ Там же, приложение, стр. 39—42; Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, тексты, стр. 124—137.

⁶² Книга Степенная царского родословия. ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, стр. 285—286.

⁶³ В. И. Мансикка. Житие Александра Невского, приложение, стр. 80—83.

⁶⁴ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Под ред. А. И. Пономарева. Вып. 2. СПб., 1896, стр. 56.

⁶⁵ Обе редакции не изданы и известны нам в рукописях, редакция Викентия — ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 275; ГПБ, QXVII.24; редакция Тита — ГПБ, собр. Общ. любит. древн. письменности, № 197 и др.

къ отцу своему с честию великою».⁶⁶ Согласно М. Н. Тихомирову, в основе «Владимирского летописца» лежит свод, близкий к Троицкой летописи, в соединении с московскими, владимирскими и новгородскими известиями.⁶⁷ В тексте летописи заметно удвоение известий о Ледовом побоище. Это удвоение произошло в результате механического соединения двух разных рассказов из разных летописных сводов: 1) известия новгородского по происхождению о сражении на Плесковском озере, окончившемся победой и возвращением Плескова «опять Новугороду» и 2) известия суздальского по происхождению об участии князя Андрея со своей дружиной, при этом неверно названо место сражения — Ладожское озеро вместо Чудского. Как исторический источник о Ледовом побоище владимирские поздние известия особого интереса не представляют.

На рис. 2 предлагаем схему взаимоотношения известий русских письменных источников о Ледовом побоище.

Итак, все изученные нами русские письменные рассказы о Ледовом побоище, находящиеся в летописях и в литературных памятниках XV—XVII вв., не содержат новых заслуживающих доверия историка сведений, чем-либо дополняющих известия пяти названных выше групп известий XIII в. Они лишь повторяют (или искажают) владимирские, новгородские, псковские, ростовские и суздальские известия XIII в. и потому не могут служить достоверным историческим источником. Таким образом, вышеназванные I — новгородский, II — псковский, III — ростовский, IV — суздальский и V — владимирский ранний, VI — владимирский поздний рассказы о Ледовом побоище могут использоваться в качестве исторического источника не в одинаковой мере, а с учетом тенденции, места и времени происхождения каждого рассказа и относительной достоверности сообщаемых в нем сведений. Наиболее важным и ценным историческим источником является рассказ XIII в о Ледовом побоище Новгородской 1-й летописи старшего извода.

Разумеется, все сказанное выше не означает, что мы отрицаем ценность различных редакций «Жития Александра Невского» XVI—XVII вв., например редакции Ионы Думина, и их контаминаций с летописными текстами как исторических источников.⁶⁸

Широкое распространение этого важнейшего патриотического памятника древнерусской литературы свидетельствует о том, что и Житие Александра Невского, и летописи на протяжении столетий служили целям прославления Русской земли и героя Ледового побоища великого полководца Александра Невского.

⁶⁶ ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, стр. 90.

⁶⁷ М. Н. Тихомиров. 1) Летописные памятники бывшего Синодального (патриаршего) собрания. Истор. зап., т. 13, М., 1941, стр. 257—262; 2) Из «Владимирского летописца». Истор. зап., т. 15, М., 1945, стр. 278—300; 3) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 13—22; ср.: Предисловие к т. XXX ПСРЛ (М., 1965, стр. 3—6).

⁶⁸ Исследованию Жития Александра Невского как исторического источника мы предлагаем посвятить в дальнейшем специальную работу.

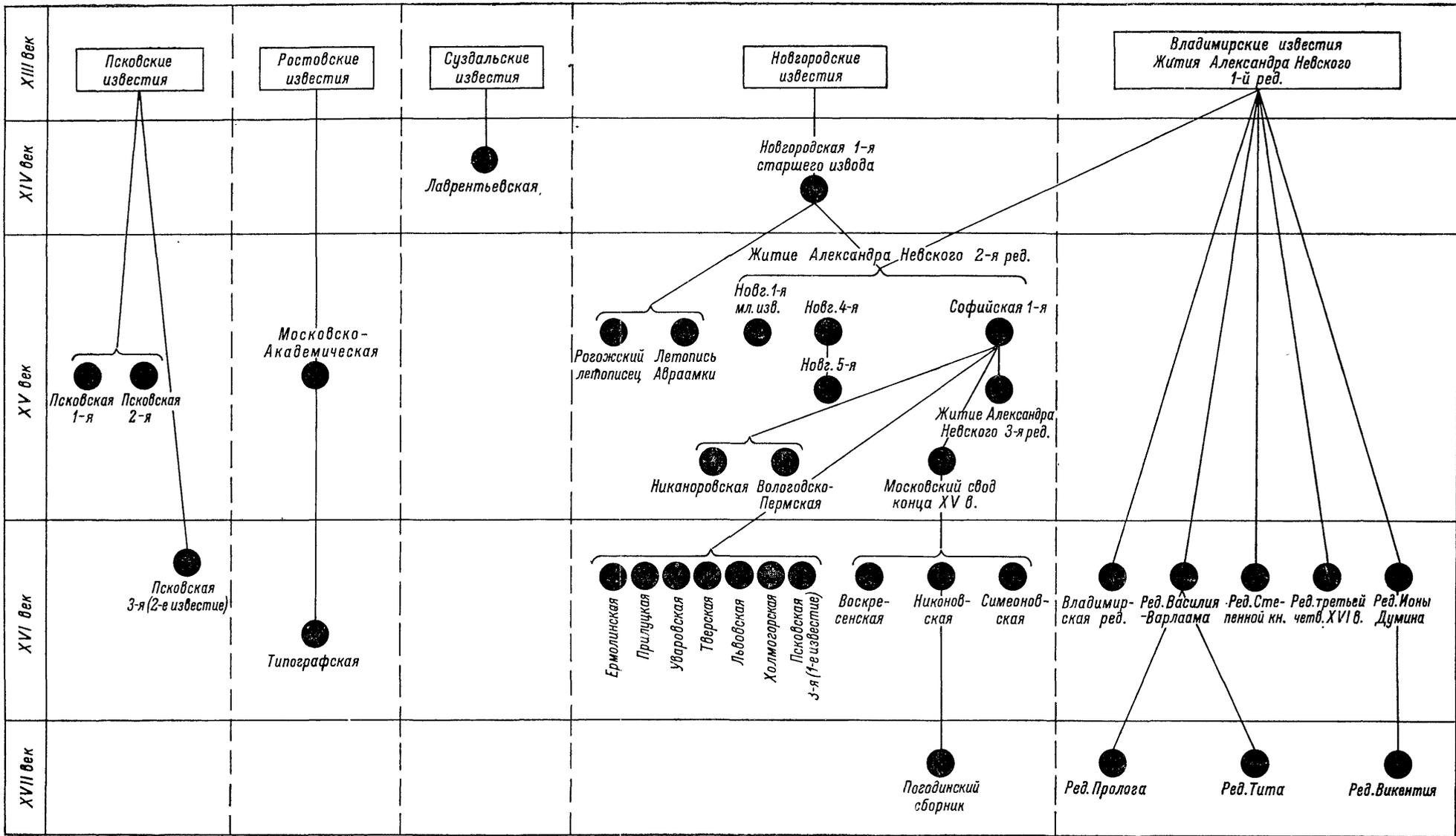

Рис. 2. Схема взаимоотношения текстов известий о Ледовом побоище русских летописей.

На этом мы ограничиваем наше изучение русских письменных источников о Ледовом побоище. Кругом перечисленных источников исчерпываются наши знания о текстах, посвященных главным событиям 1242 г., в древнерусской письменности.

ЗАПАДНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для изучения исторической битвы на Чудском озере особенно необходимо специальное исследование западных источников,¹ которые если и были в какой-то мере известны нашим авторам, то лишь по неквалифицированным, кустарным переводам (выполнявшимся случайными людьми по просьбе некоторых авторов), искажавшим подлинный смысл текста. Единственный существующий до сих пор печатный перевод текстов некоторых прибалтийских хроник, описывающих Ледовое побоище, был выполнен более 80 лет тому назад Е. В. Чешихиным и носил любительский характер;² Чешихин не обладал необходимым для этой цели знанием особенностей немецкого языка XIV—XVI вв., да и не стремился к особенной точности передачи текста.³ Перевод Чешихина дает лишь весьма приблизительное представление о тексте источников.⁴ И, что самое важное, Чешихиным были переведены лишь тексты

¹ Западными мы эти источники называем условно, ибо почти все они создавались на современной территории нашей страны, в Восточной Прибалтике. Западными мы их называем потому, что они написаны на западноевропейских языках.

² Е. В. Чешихин. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II. Рига, 1879, стр. 89—90 (текст хроники Германа Вартберге) и стр. 196—197 (текст хроники Б. Руссова). — Е. В. Чешихин — живший в Риге русский буржуазный историк второй половины XIX в. — вместе с жившими в Риге и Ревеле несколькими другими русскими буржуазными историками (М. и Н. Харузиными, Ю. Трусманом и др.) поставил своей целью создать русскую науку по истории Прибалтики и тем самым ликвидировать монополию прибалтийско-немецкой историографии в области истории прибалтийских народов. Для достижения этой цели Чешихин решил перевести на русский язык и опубликовать все наиболее важные источники по истории Прибалтики XIII—XVI вв. (и частично — более позднего времени), чтобы создать необходимую базу для развертывания исследовательской работы русских ученых. Разумеется, подобное предприятие в общем должно расцениваться положительно, ибо оно способствовало ознакомлению русских ученых со всеми важнейшими источниками прибалтийской истории; издание Чешихина уже 80 лет помогает русским историкам изучать прошлое Прибалтики.

³ Для Чешихина важно было решить задачу в общем плане: выпустить в русском переводе собрание источников по истории Прибалтики; выполнение подобной задачи в небольшой срок и с соблюдением всех требований, предъявляемых к строго научному переводу, вообще было бы не под силу одному человеку.

⁴ Об этом приходилось уже однажды писать в другой связи (см.: И. П. Шаскольский. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. В сб.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 385, прим. 37).

вше новгородци. иже слышавши о
склоу жн. о патъ поолександра.
А на волость новгородъ скоу юна
идоша литва. и фелци и чюдъ. и
поклаша полоу гѣ веникоминско
тъ. и мелѣ бѣ шорати поселе
ля. и нѣ чиналь. олна в да. гаро
славъ сна сво сгоале ксандра о
патья. **В**лѣ 2. ч. мѣ. приде
олежанъ дръ кнзъ в новгородъ
и ради быша новгородци. то же
лѣ. поиде кнзъ во лександра на
нѣлци на городъ копорью. и но
вгородци и сладожанъ и ско
рѣ доу и сѣи жеранъ. и в заго
родъ. а нѣлци и приведе в новъ
городъ. а нѣ хъ поцети по сео
еи волн. а во жанъ. и чюдци и пе
ре вѣтники и нзвѣша.
Влѣ 2. ч. н. поиде кнзъ во ле
ксандра в новгородци. и сбрама
а на дрѣ скль. и ннзвци. и чюд

Рис. 3. Текст рассказа о Ледовом побоище Новгородской Государственный исторический музей, Синодаль-

БЕЗЪ АННУ БРАТѢ ТАСА ЛЕИ
ИНА ХАША ЧА ПОЛЪ ВЪ БЛЖИ НУЮ
ДЪ ППРОШНИКОШ-СА СВА ИНЬЮ
СВОЮ ПСАКЪ. КЪ СЕ БУА ТОКЪ
АМКА. И БЛАЦІАЛЬНУ ДАМЪ БЪ
СТАМА СОФІА. ІСТОКІА УНИКОЦ
БОРИСА ГЛѢБ. СЮЖЕ РАМОВГО
ДЦНИКРОВА ВЪ ОГО ПРАБІАША ТЪ
ХЪ СТЪХЪ ВЕЛИКЪ ДІАМКА ТВА
КМ. ПОСОБМЪ ДІКНЪ Ю. ІЕ КСАДРІ
АНЖАЦІА ТОЦ КІДОШ. А УТО ДЪ
ДАША ПЛАЩА. ІГО МЪ У СЕ ИША
ІХЪ НА. КЪ АМ КЕРІ ТЪ ПОЛДОЦ.
ДО СКА БОЛІУ СКАГО БЕРЕТА. І ПА
ДЕУЮ ДА МБЕЩІ МЛА. АНЪ АЛЕЦЪ
К. А. М. РОКІА КАРМІАША. І ПРІ
ВЕДОША ДНО ВЪ ГОРОДА АБНІША
САМЦІА ПРІЕВЪ. НА ПІА Д
ІТОКІА КІА ВЪ МІА. НА ПОХВА
ЛОКІ ТЪ МІА ЦА ВЪ СКА. ТЪ ЖЕЛЪ
И БЛАЦІА ПРІАША ДІ ПОКЛОНОЛА
БЕЗЪ ДІКНЪ. УТО СЛА ВІЦА ШІА

двух поздних хроник (Вартберге и Руссова); основной же прибалтийский источник по истории Ледового побоища — «Старшая ливонская Рифмованная хроника» — ни разу не издавался в русском переводе.

Использованию в подлиннике текста «Рифмованной хроники» препятствовали трудность ее языка и сложная литературная форма, вводившая в заблуждение многих наших авторов, буквально принимавших на веру некоторые чисто литературные элементы текста хроники.

Отсутствие научного перевода, пользование недоброкачественными эрзацами породило ряд ошибочных толкований текста названной хроники, повторявшихся во многих научных и популярных сочинениях.

Для более углубленного изучения Ледового побоища советским ученым необходим серьезный комментированный научный перевод текстов западных источников, чтобы иметь правильное и точное представление, что дают эти источники для исследования одного из крупнейших событий в истории нашей Родины.

Ледовое побоище — одно из немногих крупных событий военной истории древней Руси IX—XIV вв., которое освещается источниками двух сторон — как русскими, так и источниками враждебной стороны; для большинства русских сражений этого периода мы имеем только односторонние сведения (или русские, или сведения противника).⁵ Наличие сведений о Ледовом побоище в западных источниках — весьма важное обстоятельство, которое может существенно пополнить наши данные об этом событии; притом особенно ценно, что в западных источниках мы имеем не простое упоминание о событии, а связный рассказ, по своему объему не уступающий рассказу летописи об этом сражении.

Текст о Ледовом побоище и предшествовавших ему событиях имеется в 5 прибалтийско-немецких хрониках XIII—XVI вв.: в «Рифмованной хронике» (конец XIII в.), «Хронике Ливонии» Германа Вартберге (XIV в.), «Хронике Тевтонского ордена» (XV в.), «Истории Ливонии» Иогана Реннера (XVI в.) и «Хронике Ливонии» Бальтазара Руссова (XVI в.). Для изучения событий 1240—1242 гг. эти хроники не равноценны. Собственно говоря, только первая из названных хроник имеет важное значение как источник для нашей темы. Однако, чтобы дать советским исследователям исчерпывающее представление об освещении Ледового побоища и предшествовавших ему событий в западных источниках XIII—XVI вв., мы приводим в настоящей статье комментированные переводы текстов всех названных выше хроник о борьбе Руси с немецкими рыцарями 1240—1242 гг.

1. СТАРШАЯ ЛИВОНСКАЯ РИФМОВАННАЯ ХРОНИКА

Единственным западноевропейским источником, который содержит оригинальные известия о Ледовом побоище, является «Старшая ливонская Риф-

⁵ Так, только в русских источниках есть сведения о Невской битве, о Куликовской битве и о ряде других сражений Руси с внешними врагами,

мованная хроника». Все сведения об этом крупнейшем поражении немецких агрессоров в XIII в. у других, более поздних западных хронистов прямо или косвенно восходят к рассказу «Рифмованной хроники». Герман фон Вартберге (XIV в.), компилятор «Хроники Тевтонского ордена» (XV в.) и автор «Истории Ливонии» Иоган Реннер (XVI в.) пользовались непосредственно текстом «Рифмованной хроники», в то время как Бальтазар Руссов свои сведения об отражении натиска немецких крестоносцев Александром Невским черпает из «Хроники Тевтонского ордена».

Старшая ливонская «Рифмованная хроника» содержит 12 017 стихов. Она сохранилась в двух пергаменных рукописях: рижской, которая относится к середине XIV в., и гейдельбергской, выполненной в XV в. В рижской рукописи отсутствуют (вырваны) стихи 2561—3840, гейдельбергская же пропусков не имеет.¹

Обе рукописи содержат материал о Ледовом побоище и о предшествовавших ему событиях в стихах 2065—2294. Разночтений, влияющих на смысл рассказываемого, в этих двух рукописях нет, существующие же разночтения касаются лишь орфографии.

«Рифмованная хроника» издавалась отрывками и полностью несколько раз.²

Укажем здесь на несколько изданий, заслуживающих внимания. В 1817 г. Л. Бергман осуществил первое полное издание рижской рукописи.³ Гейдельбергский список хроники был опубликован в 1844 г. Фрагцем Пфейффером.⁴ На этих двух публикациях основывается текст «Рифмованной хроники», напечатанный в I томе «Собрания ливонских хроник»; это издание хроники снабжено ее пересказом на современном немецком языке.⁵ Лучшим изданием является до сих пор издание Лео Мейера.⁶ Достоинство этой публикации состоит в том, что издатель имел возможность пользоваться при своей работе обеими рукописями в оригинале, чего не мог сделать ни один из его предшественников. Издание снабжено хорошим аппаратом: перечнем разночтений, примечаниями, указателем личных имен и словарем.

Исследование «Рифмованной хроники» как источника породило обширную литературу в середине XIX в., которая исчерпывающе приведена

¹ О рукописях «Рифмованной хроники» см.: Leo Meyer. Zur livländischen Reimchronik. Ztschr. für deutsche Philologie, Bd. IV, Halle, 1873, SS. 407—444.

² Описание всех изданий см. у Пауля Экке, подготавливавшего новое, не состоявшееся издание хроники (Paul Escke. Die livländische Reimchronik. Diss. Greifswald, 1910, S. 7 f.; ср. также библиографию по истории Ливонии: E. Winkelmann. Bibliotheka Livoniae historica. Berlin, 1878, № 1722).

³ Fragment einer Urkunde der ältesten livländischen Geschichte in Versen aus der Originalhandschrift zum Drucke befördert mit einigen Erläuterungen und Glossar versehen von Dr. Lib. Bergmann. Riga, 1817.

⁴ Die livländische Reimchronik, hrsg. von Franz Pfeiffer, Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, Bd. III. Stuttgart, 1844.

⁵ Scriptorum rerum livonicarum, Bd. I. Riga und Leipzig, 1853.

⁶ Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar, herausgegeben von Leo Meyer. Paderborn, 1876 (далее цитируем: LR).

в библиографии по истории Ливонии Э. Винкельмана.⁷ Позже «Рифмованная хроника» стала предметом монографического исследования трех диссертаций.⁸ В русской исторической литературе хроника подвергнута разностороннему источниковедческому разбору Я. Зутисом.⁹ Характеристику «Рифмованной хроники» мы находим также в источниковедческой главе труда В. Т. Пашуто, посвященного становлению Литовского государства, и в его статье о значении этой хроники для изучения русской истории.¹⁰

Ливонская «Рифмованная хроника» принадлежит к литературному жанру, чрезвычайно широко распространенному в странах Западной Европы в XII—XIV вв. Развитие этого жанра, кроме того, особенно поощрялось в среде духовных рыцарских орденов, в частности и в Тевтонском ордене.¹¹ Руководство католической церкви и ордена нуждалось в особом виде литературы для идеологического воздействия на орденскую братию, сосредоточенную в общежитиях отдельных замков. Если в монастырях для этого служили написанные на латинском языке книги Священного писания, жития святых и духовные трактаты, то для большинства орденских рыцарей, не владевших в достаточной мере латынью и вообще грамотой, вся эта литература была мало пригодна. Кроме того, для рыцарей требовались еще произведения, содержание которых должно было возбуждать и поддерживать среди них жажду славы и готовность проявить силу и храбрость во время военных действий. Поэтому в среде Тевтонского ордена большое распространение получили, кроме рифмованных пересказов на немецком языке библейских книг и легенд о деве Марии — покровительнице ордена, также и рифмованные изложения истории самого ордена, его походов и завоеваний, т. е. собственно рифмованные хроники. Все эти прикладные стихотворные произведения в обязательном порядке читались вслух во время совместных трапез и собраний рыцарей и имели своей целью воспитание из них фанатичных распространителей христианства огнем и мечом.

Ливонская «Рифмованная хроника» была посвящена изложению исторических судеб ливонской ветви Тевтонского ордена. По своей направленности она является апологией ордена.

Имя автора «Рифмованной хроники» не известно. На основании приписки к рижской рукописи автором хроники первоначально считали некоего Дитлеба фон Альнпеке (Ditleb von Alnpeke); под этим именем она получила

⁷ E. Winkelmann, op. cit.

⁸ R. Linder. Zur älteren livländischen Reimchronik. Diss. Leipzig, 1891; P. Escke, op. cit.; Werner Meyer. Stilistische Untersuchungen zur livländischen Reimchronik. Diss. Greifswald, 1912.

⁹ Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии, ч. I. Рига, 1949, стр. 18—22.

¹⁰ В. Т. Пашуто. 1) Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 134—139; 2) Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 102—108.

¹¹ О литературе Тевтонского ордена см.: K. Helm und W. Ziesemer. Die Literatur des Deutschen Ritterordens. Giessen, 1951.

широкую известность как исторический источник.¹² Когда эта приписка была определена как более поздняя подделка, единственным источником сведений об авторе стал анализ содержания самой хроники. Таким образом было установлено, что анонимный автор прибыл в Ливонию в 1278—1279 гг. и состоял там на службе у ордена, причем не в качестве духовного лица, а скорее всего как герольд или военный слуга, что позволило ему много ездить по стране и стать участником некоторых походов. Композиционно у хроники отсутствует заключительная часть, рассказ обрывается на событиях рубежа 1280—1291 гг. Установлено, что хроника была составлена в последнее десятилетие XIII в.¹³

Содержание «Рифмованной хроники» охватывает период от начала немецкой агрессии в Прибалтике (XII в.) до последнего десятилетия XIII в. С точки зрения достоверности сообщаемых в хронике сведений, она может быть разделена на три части. Первая часть, которая заканчивается разгромом ордена меченосцев и слиянием его остатков с Тевтонским орденом в 1237 г., мало достоверна. Вторая часть, к которой относятся также интересующие нас события 1238—1242 гг., содержит более подробное и правдоподобное описание событий, что может быть объяснено тем, что автор мог для своего рассказа пользоваться воспоминаниями некоторых оставшихся в живых участников событий, а также, возможно, и рядом официальных документов, как списки должностных лиц ордена и поминальные списки павших в том или ином бою рыцарей. В. Т. Пашуто на основе анализа известий хроники, касающихся русско-ливонских военных столкновений, приходит к выводу, что ее автор, хотя и являлся воинствующим апологетом Тевтонского ордена, тем не менее значительно лучше был осведомлен о деятельности тартуских епископов и о событиях на их территории, чем об одновременных событиях в среде ордена. Пашуто объясняет эту особенность тем, что автор хроники пользовался при изложении русско-ливонских отношений текстом не дошедшей до нас дерптской (тартуской) епископской хроники, аналогичного же орденового письменного источника в его распоряжении не было.¹⁴ На возможное существование такой тартуской хроники (*Annales Dorpatenses*) указывал еще Ф. Вахтсмут.¹⁵

Третья часть, с 1280 г. по 1290 г., является с точки зрения достоверности наиболее интересной, так как написана автором как участником многих описываемых событий, по личным впечатлениям. Те же происшествия,

¹² Fr. W a c h t s m u t h. Quellen und Verfasser der livländischen Reimchronik. Programm des Gymnasiums zu Mitau. Mitau, 1878.

¹³ Об авторе «Рифмованной хроники» см.: Я. З у т и с, ук. соч., стр. 19—20; N. B u s c h. Die Greifswalder Dissertation über die livländische Reimchronik. Sitzungsberichte der Gesellschaft zur Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands, 1911, Riga, 1912, SS. 7—14; Z. I v i n s k i s. Eletoji Livonijos kronika ir jes autentiškumas. Zidiny, Kaunas, 1936, t. 24, № 10, pp. 289—302.

¹⁴ В. Т. П а ш у т о. Рифмованная хроника как источник по русской истории, стр. 103 и 108.

¹⁵ F. W a c h t s m u t, op. cit., S. 23.

при которых он не мог присутствовать, описаны им по рассказам современников, бывших их очевидцами.¹⁶

Но ценность изложений автора даже в последней части хроники сильно снижается стихотворной формой, в которую он был вынужден облачить свой рассказ. Автор не обладал талантом поэта, он был только знатоком-начетчиком немецкой рыцарской эпической поэзии XII—XIII вв. Поэтому он не был в состоянии творчески использовать художественные средства классического рыцарского эпоса, а применял их как готовые языковые штампы, как постоянные сравнения, стандартные рифмы. Отсюда его изложение часто однообразно и полно «высокопарных трескучих фраз».¹⁷ При описании событий, отстоящих друг от друга и территориально, и во времени, он употребляет одни и те же слова и стилистические трафареты.

Язык «Рифмованной хроники» относится к средневерхнемецкому периоду развития немецкого языка (*mittelhochdeutsch*), с точки зрения территориальных диалектов — это средненемецкий (*mitteldeutsch*).¹⁸

Публикуемый ниже перевод стихов 2065—2294 «Рифмованной хроники» не ставит целью сохранить и передать средствами русского языка ритм, рифмы и стилистические особенности этого стихотворного произведения. Переводчик руководствовался в своей работе двумя принципами: с одной стороны, желанием по возможности точно передать смысл отдельных предложений хроники, с другой стороны — необходимостью сохранить содержание отдельных стихов. Последнее в большинстве случаев удалось, что облегчает сравнение перевода с оригиналом и позволяет при цитировании ссылаться на номер стиха.

Для того чтобы читатели данной работы могли пользоваться не только нашим переводом, но и подлинным текстом хроники (и сами проверить правильность выполненного нами перевода), ниже приводятся параллельно тексты подлинника и перевода. Подлинный текст хроники, а также нумерация стихов даются по цитированному выше изданию Лео Мейера. Имеющиеся в примечаниях и комментарии ссылки на номер стиха, отсутствующего в данной публикации, даются также по изданию Мейера.

¹⁶ Я. З у т и с, ук. соч., стр. 19—20.

¹⁷ Там же.

¹⁸ R. L i n d e r, op. cit., S. 48

**ТЕКСТ „СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ
РИФМОВАННОЙ ХРОНИКИ“**

С т и х и 2065 — 2294

- 2065 Nû lege wir die rede nider ¹
und sprechen abir wider,
wie iz dem dûtschen hûs in hant ²
zû dem êrsten gienc in Nieflant. ³
Von Darbete ⁴ bischof Herman ⁵
- 2070 bie den zîten began
zeisen mit den Rûzen.
Die wolden sich ûf strûzen
kegen dem christentûme ⁶ als ê.
In tet ir unsâlde vil wê. ⁷
- 2075 Sie tâten leides im ⁸ genûc.
Dô er daz lange vertrûc
die brûdere ⁹ er zû hulfe bat.
Der meister ¹⁰ quam im ûf der stat
und brâcht im manchen rischen ¹¹ helt
- 2080 beide kûne und ûz irwelt.
Des kuniges man ¹² quâmen dar
mit einer hovelîchen schar;
des was bischof Herman vrô.
Mit deme here sie kârten dô

¹ В предыдущей главе речь шла о разделе Северной Эстонии между датским королем и орденом при посредничестве папского легата.

² dem dûtschen hûs — дословно «немецкому дому». das dûtsche hûs — одно из самоназваний Тевтонского ордена, объясняемое тем, что этот орден был в XII в. организован при доме призрения немецких паломников в Иерусалиме, отсюда название орденских рыцарей die brûdere von dem dûtschen hûs (717) — «братья из немецкого дома».

³ Nieflant — так систематически в «Рифмованной хронике» называется Ливония. Ее обычное название в немецких текстах того времени Liefiant, Liffiant, Livlant, т. е. «страна ливов». Форма Nieflant в «Рифмованной хронике», возможно, является реминисценцией с легендарной страной нибелунгов в немецком эпосе.

⁴ Darbete — нижненемецкое название эстонского Тарту, русск. — Дерпт (Юрьев), совр. нем. — Dorpat.

⁵ bischof Herman — брат рижского архиепископа Альберта; епископ эстонский, перенес в 1224 г. свою резиденцию на тартуский вышгород, на место древнего русского Юрьева, став таким образом непосредственным соседом псковичей (см.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, стр. 235 и 241).

⁶ Истинными христианами автор «Рифмованной хронике» признает только христиан римско-католического вероисповедания.

⁷ in tet ir unsâlde vil wê — стих, вызвавший разные толкования. Немецкие интерпретаторы «Рифмованной хронике» прошлого века понимали этот стих так, что «безбожность русских причиняла епископу Герману страдания» (E. Meyer. Die livländische Reimchronik von Dittlieb von Alnpeke in das Hochdeutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen. Reval, 1848, S. 59; Scriptorum rerum livonicarum, Bd. I. Riga—Leipzig, 1853, p. 558). Мы считаем

Перевод

- 2065 Прервем теперь это повествование¹
и поговорим опять [о том],
как дела Тевтонского ордена
первоначально шли в Ливонии.
Дерптский епископ Герман⁵
- 2070 в это время начал
враждовать с русскими.
Те хотели подняться
против христианства,⁶ как прежде.
Их кощунство принесло им много горя.⁷
- 2075 Они причинили ему⁸ достаточно зла.
Долго он это терпел,
пока не попросил помощи у братьев-рыцарей.⁹
Магистр¹⁰ прибыл к нему немедленно
и привел к нему много отважных героев,
2080 смелых и отменных.
Мужи короля¹² прибыли туда
со значительным отрядом;
Епископ Герман возрадовался этому.
С этим войском они^{12а} двинулись тогда

такое понимание ошибочным. Ключом к истинному смыслу этого предложения должно служить местоимение *in*, с которого начинается стих. Синтаксически здесь требуется дательный падеж, так как местоимение зависит от глагола *tet... wê, ср. dem meister tet die rede wê* (v. 9612). Следовательно, *in*, также и по форме являющееся дательным падежом множественного числа от местоимения *sie* — они, заменяет собой не существительное *bischof*, а существительное *die Rûzen*. При таком, грамматически обоснованном толковании значения местоимения *in* мы считаем, что автор «Рифмованной хроники» в этом стихе вовсе не говорит о «страданиях Германа», а намекает на то, что вызванная, по его мнению, схизматиками-русскими против «истинных христиан» война была для них неудачной, привела к захвату рыцарями Изборска и Пскова.

⁸ Епископу Герману.

⁹ *die brûdere* — так в «Рифмованной хронике» называются орденские рыцари. Будучи связанными монашескими обетами, они, по аналогии с монастырским обычаем, называли себя братьями. Этот термин здесь и далее переводится «братья-рыцари».

¹⁰ *der meister* — магистр, глава ордена в Ливонии.

¹¹ *rîsch* — «быстрый, смелый, дерзкий»; один из постоянных эпитетов, применяемых в средневерхненемецкой эпической поэзии для характеристики воина, рыцаря.

¹² *des kuniges man* — обозначение, употребляемое в «Рифмованной хронике» для вассалов датского короля, владевшего в то время Северной Эстонией. Эти датские феодалы неоднократно были союзниками ордена в его войнах с Русью и Литвой. Они приводили с собой в орденское войско отряды, состоявшие из зависимых от них эстов.

^{12а} Подразумеваются епископ и магистр.

- 2085 vrôlîchen in der Rûzen lant,¹³
 Ez gienc in dâ vil wol in hant.¹⁴
 Vor eine burg sie quâmen dô,
 die¹⁵ was irre kumft unvrô.
 Sturmes man mit in began,¹⁶
 2090 daz hûs gewonnen sie in an.
 Îsburc¹⁷ die burc hiez.
 Der Rûzen man keinen liez,
 man brêchte in in nôt.
 Welcher sich zû were bôt,
 2095 der wart gevangen oder geslagen.
 Man hôrte rûfen und clagen:
 in deme lande ubir al
 erhûb sich ein michel schal.
 Die von Plezcowe¹⁸ dô
 2100 wâren diser mêre unvrô.
 Eine stat¹⁹ ist sô genant,
 die liet in Rûzen lant.
 Dâ sint lûte harte sîr,²⁰
 die wâren diser nâkebûr.
- 2105 Von den wart nicht gespart,
 sie hûben sich ûf die vart
 und jageten grimmelîchen dar
 mit mancher brunjen²¹ lichtvar;
 ir helme lûchten als ein glas.²²
 2110 Vil manich schutze²³ dâ mite was.
 Sie quâmen ûf der brûder her;
 die satzten sich kein²⁴ in zû wer.
 Die brûdere und des kuniges man
 die Rûzen vrîlichen riten an.²⁵
 2115 Bischof Herman der was dar
 als ein helt mit sîner schar.
 Sich hûb ein ungevûger strîf:

¹³ der Rûzen lant — дословно «земля (страна) русских», здесь и далее переводится «Русь».

¹⁴ ez gienc in dâ vil wol in hant — идиоматическое выражение «их дела пошли очень хорошо»; ср. v. 2067—2068.

¹⁵ die — указательное местоимение, заменяющее собой burc; здесь это следует понимать как «люди, находящиеся в замке», «его гарнизон».

¹⁶ sturmes man mit in began — дословно «начали их штурмовать».

¹⁷ Îsburc. Русский топоним Изборск этимологизирован в «Рифмованной хронике» на немецкий лад. Такая этимологизация вызывалась звуковым сходством слова «борск» с немецким burc — «замок». В v. 2087 и v. 2091 Изборск назван просто burc, а в v. 2090 — hûs. Термины burc и hûs соответствуют русскому слову «город» только в одном из его значений, а именно «укрепленное место», «замок», но не «посад». Такое словоупотребление говорит о том, что автор «Рифмованной хроники» рассматривал Изборск как укрепление, посад при котором не имел большого значения. Ср. ниже, v. 2101, где речь идет о Пскове.

¹⁸ Die von Plezcowe — дословно «те из Пскова», т. е. псковичи. Обычная конструкция в немецком языке средних веков для обозначения жителей того или иного города.

- 2085 радостно на Русь.
Их дела пошли там очень хорошо.
Там они подошли к замку,
в замке не возрадовались их приходу.
Пошли на них [русских] приступом,
- 2090 захватили у них замок.
Этот замок назывался Изборск.
Ни одному русскому не дали
[уйти] невредимым.
Кто защищался,
- 2095 тот был взят в плен или убит.
Слышны были крики и причитания:
в той земле повсюду
начался великий плач.
Жители Пскова тогда
- 2100 не возрадовались этому известию.
Так называется город,
который расположен на Руси.
Там люди очень крутого права,
они были соседями этого [захваченного замка
Изборска].
- 2105 Они не медлили,
они собрались в поход
и грозно поскакали туда,
многие были в блестящей броне;
их шлемы сияли, как стекло.
- 2110 С ними было много стрелков.²³
Они встретили войско братьев-рыцарей;
те оказали им сопротивление,
Братья-рыцари и мужи короля
смело атаковали русских.
- 2115 Епископ Герман там был
как герой со своим отрядом.
Начался жестокий бой:

¹⁹ Хронист называет Псков словом *slat*. Такое словоупотребление говорит о том, что он в первую очередь видит в нем посад с ремесленным и торговым населением. Ср. прим. 17, где речь идет об Изборске.

²⁰ *sûr* — в основном значении — «кислый», «резкий», «едкий», «горький»; в переносном значении относительно людей — «твердый», «злой», «нехороший», «грозный», «жестокий», «кровожадный».

²¹ *brunje* — это доспех для защиты верхней части туловища, т. е. броня, панцирь, кольчуга. Об описании хронистом вооружения русских войск см. комментарий, раздел а.

²² *als ein glas* — часто встречающееся у хрониста сравнение при описании блеска защитного вооружения, в частности шлемов; ср. в. 2109, 2374, 3283, 5019, 10411.

²³ *manich schutze* — подразумеваются русские стрелки из лука; ср. далее (в. 2216), где говорится, что войско Александра Невского имело на своем вооружении очень много луков (*bogen*). Подробнее см. комментарий, раздел а.

²⁴ *kein* — здесь одна из форм предлога *gegen* — «против».

²⁵ *riten an* — претерит от глагола *anriten* — дословно «атаковать в конном строю», так как *riten* — «ехать верхом». Атака в конном строю наиболее типична для рыцарских отрядов. Но хронист сообщает также о более редких случаях, когда всадники перед боем спешивались и шли на противника в пешем строю. См. в. 11728—11737.

- die dâtschen hiwen wunden wît,²⁶
 die Rûzen liden grôze nôt:²⁷
 2120 man slûc ir achte hundert tôt,
 die bliben ûf deme wal.
 Bie Îsburc nâmen sie den val.
 Die anderen²⁸ nâmen dâ die vlucht,
 man jagete sie âne zucht
 2025 vaste²⁹ hin zû lande³⁰ wert.
 Die Rûzen manten sêre ir pfert
 beide mit geiseln und mit sporn;
 sie wânten alle sîn verlorn:
 der wec dûchte sie gar lanc.
 2130 Der walt von jâmerschalle clanc.
 Zû lande was in allen gâch;
 der brûdere her zogete hin nâch.
 Die Mode³¹ ein wazzer ist genant;
 nâ in uber ûf daz lant
 2135 die brûdere vuren mit gewalt;
 sie brâchten manchen degen balt.
 Die von Plezcowe dô
 wâren der geste unvrô.
 Die brûdere slûgen ir gezelt
 2140 vor Plezcowe ûf ein schône velt.
 Der bischof und des koniges man
 ir legirstat vil wol gewan.
 Manich ritter und knecht
 vordienten wol ir lêhenrecht.³²
 2145 Man liez gebieten in dem her,
 man solde bereiten sich zûr wer,
 und liez sie dâ bie verstân,
 man solde ouch zû sturme³³ gân.
 Die Rûzen wurden des gewar,
 2150 daz sturmen wolde manich schar
 beide burc unde stat.³⁴
 Die Rûzen wâren strîtes mat
 dâ vor bie Îsburc worden:
 sie boten sich³⁵ dem orden,

²⁶ wunden wît — дословно «широкие раны».

²⁷ grôze nôt — дословно «большую нужду».

²⁸ die anderen — дословно «другие».

²⁹ vaste — наречие, имеющее много значений: «крепко», «тесно примыкая», «до», «до близости»; «сильно», «мощно», «быстро», «очень», «довольно».

³⁰ zû lande — соответствует русскому «домой».

³¹ die Mode — название, которым ливонские немцы обозначали реку Великую у Пскова. Этот топоним встречается у Б. Руссова в форме Modda (Scriptores rerum livonicarum, Bd. I, p. 28) и у Жильбера де Ланноа в написании Moede, Moeude (Guillebert de Lannoy et ses voyages en 1413, 1414 et 1421 commenté en français et polonais par Joachim Lelewel, Bruxelles, 1844, pp. 36 et 49). Жильбер пишет, что Псков расположен на двух реках, Moede et Plesco, и что обратно в Ливонию его везли на санях по льду реки Moede, а затем по льду Чудского озера. Это описание, а также то, что в ливонских источниках Mode называется река, которую немцы должны были форсировать по пути из Изборска в Псков, позволяет отождествить Mode с р. Великой.

- немцы наносили глубокие раны,
русские терпели большой урон:
2120 их было убито восемьсот [человек],
они пали на поле брани.
Под Изборском они потерпели поражение.
Остальные тогда обратились в бегство,
их беспорядочно преследовали
2125 по пятам по направлению к их дому.
Русские сильно понукали своих коней
плетьюми и шпорами;
они думали, что все погибл:
путь им казался очень долгим.
2130 Лес звенел от горестных криков.
Они все спешили только домой;
войско братьев-рыцарей следовало за ними.
Великой³¹ называется река:
за ними на другой берег
2135 переправились братья-рыцари с большой силой;
они вели за собой многих смелых воинов.
Псковичи тогда
не были рады гостям.
Братья-рыцари разбили свои палатки
2140 перед Псковом на красивом поле.
Епископ и мужи короля также
очень удобно расположились лагерем.
Многие рыцари и слуги
хорошо заслужили здесь свое право на лен.³²
2145 По войску дали приказ
готовиться к бою,
и при этом дали понять [участникам похода],
что пойдут также на приступ.
Русские заметили то,
2150 что многие отряды намереваются штурмовать
как замок, так и посад.³⁴
Русские изнемогли от боя
под Изборском:
они сдались³⁵ ордену,

³² По-видимому, речь идет о праве получить лен в захваченных псковских землях.

³³ *zû sturme* — дословно «на штурм».

³⁴ Хронист различает в Пскове *burg* — «кремль» и *stat* — «посад». Ср. прим. 17 и 19. И это не только в этом месте. При описании более позднего набега рыцарей на Псков (в 1269 г.) хронист рассказывает, что псковичи сами сожгли посад (*stat*) и укрылись в кремле (*burg*) — см. v. 7711—7728.

³⁵ Глагол *sich bieten* имеет значения «предоставить себя», «отдать себя», «предложить себя». Здесь хронист сообщает и пытается объяснить беспримерный факт сдачи без боя в руки ордена Пскова, кремль которого хронист в другом месте считает неприступным при условии единодушия защитников (v. 7726—7728). Из летописи известно, что сдача была осуществлена группой псковских бояр-изменников, для которых личное благополучие оказалось дороже чести и родины (НПЛ, стр. 294).

- 2155 wan sie vorchten ungemach.
Um einen vride man dô sprach.
Der vride wart gemachet dô
mit den Rûzen alsô,³⁶
daz Gêrpolt,³⁷ der ir kunic³⁸ hiez,³⁹
- 2160 mit sîme gûten willen liez
burge und gûte lant
in der dûtschen brûdere hant,
daz ir der meister solde pflegen.
Dô bleib daz sturmen under wegen.
- 2165 Dâ die sîne⁴⁰ geschach,
nicht lange sûmete man dar nâch,
daz her brach ûf gemeine dô.
Sie wâren alle in gote vrô
und gâben gote die êre:
- 2170 sie dankten im vil sêre.
Dô daz her was bereit
vrôlich iz von dannen reit.
Zwêne brûdere man dar liez
die man daz lant bewaren hiez,⁴¹
- 2175 von dûtschen eine cleine macht.⁴²
Daz wart in sint zû schaden brâcht:
ir hêrschaft werte unlange vrist,⁴³
Eine stat in Ruzen lande ist,
Nogarden⁴⁴ ist sie genant.
- 2180 Dem kunige wart daz mêre bekant,
er hûb sich ûf mit mancher schar
kegen Plezcowen, daz ist wâr.⁴⁵
Dar quam er mit grôzer macht;
er hette manchen Rûzen brâcht
- 2185 zû lôsene die von Plezcô.
Des wâren sie von herzen vrô.
Dô er die dûtschen irsach,
nicht lange sûmete er dar nâch,⁴⁶
die zwêne brûdere er verstiez

³⁶ alsô — дословно «так, таким образом».

³⁷ О толковании этого имени и об изменнической роли князя, который его носил см. комментарий, раздел 6.

³⁸ kunic — дословно «король». Этот термин употребляется хронистом и вообще в ливонских источниках до конца XV в. для обозначения как западноевропейских королей, так и русских князей периода феодальной раздробленности. В латиноязычных памятниках русские князья соответственно называются *reges* (ср. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 455, прим. 3). Слово *kunic*, примененное к русским князьям, здесь и далее переводится словом «князь». Хронист лишь один раз называет русского князя (Юрия Андреевича, племянника Александра Невского) словом *vurste* (v. 7745—7746) и то потому, что тот не занимал княжьего стола, а вел переговоры с магистром только в качестве представителя новгородского князя: *er was an des kuniges stat* (v. 7747).

³⁹ hiez — дословно «назывался», здесь этот глагол употреблен в функции связки, по значению равной глаголу *sin* — «быть»; ср. аналогичное употребление: *Alexander was genant* || *der bie der zit ir kunic hiez* (v. 2208—2209).

- 2155 так как опасались [большого] несчастья.
Тогда повели переговоры о мире.
Мир был заключен тогда
с русскими на таких условиях,
что Герпольшт,³⁷ который был их князем,³⁸
- 2160 по своей доброй воле оставил
замки и хорошие земли
в руках братьев-тевтонцев,
чтобы ими управлял магистр.
Тогда штурм [Пскова] не состоялся.
- 2165 После того как произошло это примирение,
долго не ждали,
войско тогда собралось в обратный путь.
Все они были преисполнены божьей благодати
и восхваляли бога:
- 2170 они были ему благодарны за очень многое.
Когда войско стало готово для обратного похода,
оно радостно ушло оттуда.
Там оставили двух братьев-рыцарей,
которым поручили охранять землю,⁴¹
- 2175 и небольшой отряд⁴² немцев.
Это обернулось позже им во вред:
их господство длилось недолго.
На Руси есть город,
он называется Новгород.
- 2180 До [новгородского] князя дошло это известие,
он собрался со многими отрядами
против Пскова, это истина.⁴⁵
Туда он прибыл с большой силой;
он привел много русских,
- 2185 чтобы освободить псковичей.
Этому они от всего сердца обрадовались.
Когда он увидел немцев,
он после этого долго не медлил,⁴⁶
он изгнал обоих братьев-рыцарей,

⁴⁰ die sūne — «искупление», «примирение», «мир», «покой», «суд», «приговор».

⁴¹ Речь идет об оккупации захваченных псковских земель.

⁴² eine kleine macht — дословно «малую силу».

⁴³ unlange vrist — дословно «недолгий срок».

⁴⁴ Nogatden — одна из наиболее распространенных форм передачи в немецких текстах названия Новгорода Великого.

⁴⁵ Это заверение вызвано необходимостью ввести рифму к schar.

⁴⁶ nicht lange sūmete er dar nâch — типичное для «Рифмованной хроники» вставное предложение, которое вовсе не хочет подчеркнуть, что действие развивалось необычно быстро, а является лишь художественным приемом. Такие предложения с глаголом sūmen, а также sragn и некоторыми другими порождены необходимостью ввести в стих ту или иную рифму. Кроме того, наличие таких предложений-заполнителей вызвано тем, что рифмованные хроники были предназначены для чтения вслух. Эти предложения разбавляли действие и облегчали восприятие содержания аудиторией. Таких предложений с глаголом sūmen в «Рифмованной хронике» насчитывается 20, например в. 2234, 2862, 5149, 5163 и др.

- 2190 der vogetie er sie erliez⁴⁷
und alle ir knechte⁴⁸ man vertreib.
Der dâtschen keiner dâ bleib:
den Rûzen liezen sie daz lant.
Den brüderen gienc iz sus in hant;
- 2195 wêre Plezcowe dâ behüt
daz wêre nû dem cristentûme gût
biç an der werlde ende.
Ez ist ein missewende,⁴⁹
der gûte land betwungen hât
und der nicht wol besetzt hât:
- 2200 der claget wen er den schaden hât,
wan iz im vil lichte missegât.
Der kunic von Nogarden⁵⁰ kârte wider.
Ez stûnt dar nâch nicht lange sider.
- 2205 ein stat ist grôz unde wiet
die ouch in Rûzen lande liet:
Susdal⁵¹ ist sie genant.
Alexander was genant
der bie der zît ir kunic hiez:⁵²
- 2210 sîn volc⁵³ er sich bereiten liez.
Den Rûzen was ir schade leit;⁵⁴
snelle wurden sie bereit.
Dô vûr kunic Alexander,
mit im vil manich ander
- 2215 Rûze her von Susdal.
Sie vûrten bogen âne zal,
vil manche brunje wunneclîch.⁵⁵
Ir banier die wâren rîch,⁵⁶
ir helme die wâren liecht bekant.⁵⁷
- 2220 Sus zogeten sie in der brüder lant
dâ gewaldeclîch mit her.
Die brüdere dâ mit sneller wer
brâchten in daz kegenzil;
ir was aber mâzen vil.⁵⁸
- 2225 Zû Darbete wart vernomen
kunic Alexander wêre komen

⁴⁷ Буквально: освободив (избавив) их от фогтства, т. е. от исполнения обязанностей фогтов. Захваченные земли орден членил на административные области, во главе которых ставились орденские рыцари, называвшиеся в одних областях командорами (комтурами), в других — фогтами. Последнее название происходит от латинского слова *advocatus*. В русских источниках орденские фогты называются «судьями», например: «Судья ругодивескен Еремен», «кескеи судья Иване» в ГВНП, № 60. Слово *vogetie* может обозначать как административный район, так и название должности, здесь подразумевается последнее.

⁴⁸ Речь идет об отряде военных слуг — кнехтов (*knechte*).

⁴⁹ *misewende* — многозначное слово: «неправильный поворот», «отклонение от лучшего к худшему», «упрек», «позор», «изъян», «преступление», «позорящее действие», «несчастье», «вред».

⁵⁰ Хронист не называет новгородского князя, изгнавшего немцев из Пскова, по имени. Он не отождествляет его с Александром Невским, который в «Рифмованной хронике» начинает принимать участие в событиях лишь

- 2190 положив конец их фогтству,⁴⁷
и все их слуги⁴⁸ были прогнаны.
Никого из немцев там не осталось:
русским оставили они землю.
Так шли дела братьев-рыцарей:
- 2195 если бы Псков был тогда убережен,
то это приносило бы сейчас пользу христианству
до самого конца света.
Это — неудача.
Кто покорил хорошие земли
- 2200 и их плохо занял военной силой,
тот заплачет, когда он будет иметь убыток,
когда он, очень вероятно, потерпит неудачу.
Новгородский князь⁵⁰ опять ушел в свою землю.
После этого недолго было спокойно.
- 2205 Есть город большой и широкий,
который также расположен на Руси:
он называется Суздаль.⁵¹
Александром звали того,
кто в то время был его князем:
- 2210 он приказал своему войску⁵³ готовиться к походу.
Русским были обидны их неудачи;
быстро они приготовились.
Тогда выступил князь Александр
и с ним многие другие
- 2215 русские из Суздаля.
Они имели бесчисленное количество луков,
очень много красивейших доспехов.⁵⁵
Их знамена были богаты,
их шлемы излучали свет.
- 2220 Так направилась они в землю братьев-рыцарей,
сильные войском.
Тогда братья-рыцари, быстро вооружившись,
оказали им сопротивление;
но их [рыцарей] было немного.
- 2225 В Дерпте узнали,
что пришел князь Александр

в следующей главе в качестве суздальского князя. Автор «Хроники Тевтонского ордена», пользовавшийся «Рифмованной хроникой» (XV в.) при изложении событий 1238—1242 гг., исправил этот недочет и связал освобождение Пскова с именем Александра Невского.

⁵¹ Хронист очень мало искажает русские топонимы. В данном случае мы видим абсолютно точную транслитерацию.

⁵² См. прим. 39, здесь же глагол *hieŕ* применен в прямом значении. ⁵³ *voic* — многозначное слово, может обозначать: «народ», «люди», «воинство», «войско», «подданные», «слуги», «отряд», «толпа».

⁵⁴ *den Ruŕen was ir schade leit* — дословно «русским был обиден вред [причиненный им немцами]».

⁵⁵ См. прим. 21 и комментарий, раздел а.

⁵⁶ *rich* — подразумевается «богато украшены».

⁵⁷ *ir helme die wâren liecht bekant* — дословно «их шлемы, те были известны сияющими».

⁵⁸ *mâze n vil* — дословно «умеренно много».

- mit her in der brüder lant
und stifte roub und brant.⁵⁹
Der bischof des nicht enliez,
2230 des stiftes⁶⁰ man er snelle hiez,
ilen zû der brüdere her
kegen den Rûzen zû wer.
Waz er gebôt daz geschach.
Nicht lange sûmeten sie dar nâch,⁶¹
2235 sie quâmen zû der brüdere macht.
Sie hatten zû cleine volkes brâcht;
der brüdere her was ouch zû clein.
Ídoch sie quâmen uber ein,
daz sie die Rûzen ritten an.⁶²
2240 Strites man mit in began.
Die Rûzen hatten schutzen⁶³ vil,
die hûben dô daz êrste spil⁶⁴
menlich vor des kuniges schar.
Man sach der brüder banier⁶⁵ dar
2245 die schutzen underdringen,
man hôrte swert dâ clingen
und sach helme schrôten.
An beider sît die tôten
vielen nider ûf daz gras.⁶⁶
2250 Wer in der brüdere her was,
die wurden ummeringet gar.
Die Rûzen hatten sulche schar,
daz ie wol sechzie⁶⁷ man
einen dûtschen ritten an.
2255 Die brüdere tâten wer gnûc,
ídoch man sie dar nider slûc.
Der von Darbete quam ein teil
von deme strîte, daz was ir heil:
sie mûsten wichen durch die nôt.
2260 Dar bliben zwenzie brüder tût
und sechse wurden gefangen.
Sus was der strit ergangen.
Kunic Alexander was vrô,
daz er den sig behielt alsô.
2265 Er kârte wider zû lande.
Er liez doch dar zû pfande

⁵⁹ und stifte roub und brant — постоянная фраза в «Рифмованной хронике» при описании военных походов; ср. в. 1440, 1902, 2698, 2756, 8960, 9804, 11116.

⁶⁰ Территория, находившаяся под властью ливонских епископов, называлась словом *stift* (епископство).

⁶¹ См. прим. 46.

⁶² См. прим. 25.

⁶³ См. прим. 23 и комментарий, раздел а.

⁶⁴ *daz êrste spil* — дословно «первую игру». Название боя словом *spil* — «игра» — типичная метафора в рыцарской поэзии. В «Рифмованной хронике» она встречается часто, например в стихах 4201, 4652, 6079, 7410 и др.

⁶⁵ Слово *banier* может обозначать как «знамя», «хоругвь», так и «отряд», сражающийся под данным знаменем; здесь *banier* употреблено в последнем

- с войском в землю братьев-рыцарей,
чиня грабежи и пожары.
Епископ не оставил это без внимания,
2230 быстро он велел мужам епископства⁶⁰
поспешить в войско братьев-рыцарей
для борьбы против русских.
Что он приказал, то и произошло.
Они после этого долго не медлили,⁶¹
2235 они присоединились к силам братьев-рыцарей.
Они привели слишком мало народа,
войско братьев-рыцарей было также слишком
маленьким.
- Однако они пришли к единому мнению
атаковать русских.
2240 Немцы начали с ними бой.
Русские имели много стрелков,⁶³
которые мужественно приняли первый натиск,⁶⁴
[находясь] перед дружиной князя.
Видно было, как отряд⁶⁵ братьев-рыцарей
2245 одолел^{65а} стрелков;
там был слышен звон мечей,
и видно было, как рассекались шлемы.
С обеих сторон убитые
падали на траву.⁶⁶
- 2250 Те, которые находились в войске братьев-рыцарей,
были окружены.
Русские имели такую рать,
что каждого немца атаквало,
пожалуй, шестьдесят человек.⁶⁷
- 2255 Братья-рыцари достаточно упорно сопротивлялись,
но их там одолели.
Часть дерптцев вышла
из боя, это было их спасением,
они вынужденно отступили.
- 2260 Там было убито двадцать братьев-рыцарей,
а шесть было взято в плен.
Таков был ход боя.
Князь Александр был рад,
что он одержал победу.
- 2265 Он возвратился в свои земли.
Однако эта победа ему стоила

значении и обозначает характерное для орденских рыцарей клиновидное построение, — «свинью» русских летописей.

^{65а} Возможен также перевод: «оттеснил», «врезался», «прорвался сквозь [ряды]...».

⁶⁶ *uf daʒ gras* — о трактовке этого выражения см. стр. 163—164. Возможно, что слово *gras* — «травя» здесь применено метонимически для выражения понятия «земля». Ср. немецкое идиоматическое выражение *in das Gras beißen* — «пасть на поле брани», дословно — «укусить траву». В этой идиоме основной образ настолько уже ослаблен, что она может применяться без учета времени года, в котором происходит описываемое событие.

⁶⁷ Число шестьдесят, по-видимому, служит здесь условным обозначением превосходства в числе, так как оно встречается в «Рифмованной хронике» также при описании и другого боя немцев с русскими: *ein dütcher müste geben strit || wol sechzic Rûen... (v. 7634—7635)*.

- sumelîchen rischen man,⁶⁸
 der reisen nimmer mêr began.
 Waꝝ brüder in dem strîte was
 2270 geslagen, dâ ich nû von las,⁶⁹
 die wurden sider wol verclait
 mit manchem helde unverzait.
 Die sich durch got hân gegeben
 in der dûtschen brüdere leben,
 2275 der ist biꝝ her von jenen tagen
 vil mancher in gotes dienste geslagen.
 Sie haben ouch mit werender hant
 betwungen sider gûte lant,
 als ûch her nâ wol wirt bekant.
 2280 Nû dise rede ist volant.
 Meister Herman Balke⁷⁰
 der was in deme walke
 mit Rûzen und mit heiden.⁷¹
 Der mûste er sich beiden
 2285 mit grôzeme urlouge weren
 und helfen gotes viende heren.
 Der bischof und des kuniges man,
 wes er mit den began,
 daꝝ trûc alleꝝ uber ein
 2290 als eꝝ an den werken wol schein.
 Daꝝ bûch saget uns vor wâr,
 daꝝ iz werte sechstehalb jâr
 daꝝ meister Herman Balke riet.
 Dar nâch er von der werlde schiet.

КОММЕНТАРИЙ

а. Описание вооружения различных народов

Автор «Рифмованной хроники» много внимания уделяет описанию вооружения воинов разных народов, с которыми немецкие захватчики столкнулись на территории Прибалтики. Возникает вопрос, насколько эти описания достоверны. Многое из того, что хронист мог видеть после своего прибытия

⁶⁸ er lieꝝ doch dar zû pfande || sumelîchen rischen man — дословно «он, однако, оставил там в залог много храбрых людей».

⁶⁹ Этот стих говорит о том, что «Рифмованная хроника» была предназначена для чтения вслух.

⁷⁰ См. комментарий, раздел в.

⁷¹ В. Т. Пашуто считает, что под язычниками хронист подразумевает карел и ижорцев, которые были в составе новгородского войска, изгнавшего орденских рыцарей из Копорья (В. Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории, стр. 104). Но это мало вероятно, так как хронист вообще ничего не знает и не сообщает о военных действиях в Водской земле. Скорее всего язычниками здесь названы литовцы, которые действительно в это время были еще язычниками и оказывали орденской агрессии упорное сопротивление.

- многих храбрых мужей,⁶⁸
 которым больше никогда не идти в поход.
 Что касается братьев-рыцарей, которые
 в этом бою были
- 2270 убиты, о чем я только что читал,⁶⁹
 то они позже должным образом оплакивались
 со многими бесстрашными героями,
 которые по призыву бога
 посвятили себя жизни среди братьев-тевтонцев;
- 2275 очень многие из них с тех пор
 были убиты на службе богу.
 Они также вооруженной рукой
 с тех пор покорили хорошие земли,
 как вам дальше станет известно.
- 2280 На этом кончается это повествование.
 Магистр Герман Балк⁷⁰
 вел войну
 с русскими и язычниками.⁷¹
 Он должен был от них обоих
- 2285 обороняться в большой войне
 и помог [этим] разорению божьих врагов.
 Епископ и мужи короля [его поддерживали],
 всё, что он с ними предпринимал,
 делалось единодушно,
- 2290 как это видно по самим делам.
 Эта книга истинно нам говорит,
 что продолжалось пять с половиной лет
 правление магистра Германа Балка,
 после чего он умер.

в Ливонию (в 1278 г.), он несомненно описывает по личным впечатлениям. И эти же личные впечатления отразились на его рассказе о событиях, очевидно которых он не был, которые происходили на несколько десятков лет раньше. Таким образом, можно предположить, что хронист, говоря о русских ратях времени Александра Невского, рисует их с такими характерными чертами, которые он лично наблюдал у русских войск последней четверти XIII в. Эту поправку нужно иметь в виду при оценке сообщаемых хронистом сведений.

Но проблема достоверности содержания «Рифмованной хроники» усложняется еще тем, что перед нами стихотворное произведение с характерным для этого жанра поэтическим языком, в котором постоянные сравнения, эпитеты, рифмы и другие элементы художественной литературы играют важную роль. Часто встречаются трафаретные предложения, которыми автор пользуется как формулами. Такие шаблоны сопровождаются, как правило, одними и теми же рифмами. Так, вводя в повествование тот или иной город, хронист в одном стихе сообщает его название, а в другом страну, где находится этот город, причем первый стих имеет обязательно последним словом *genant*, которое часто рифмуется со словом *lant* во втором стихе, например: (Plezcowe) eine stat ist sô genant, || die liet in Rúzen lant (стихи 2101—2102);

эту формулу мы встречаем также в стихах 223, 2409, 7405, 9673, 11774 и в других. Также выступление в поход, блеск вооружения, описание отдельных элементов боя изображаются с применением стилистических штампов.¹ Только внимательный анализ художественных приемов и словупотребления хрониста позволяет отделить ценное для нас зерно исторической истины от литературных украшений.

Проанализируем с этой точки зрения описание вооружения в хронике. Каждый раз, когда хронист сообщает о выступающей в поход рати, он привлекает внимание слушателя к блестящей броне всадников, к их сияющим шлемам и богато украшенным знаменам. Это он делает равным образом в отношении войска эстов, про которое он пишет: «они были вооружены щитами и копьями, много брони и много шлемов блестело сквозь пыль»,² в отношении войска литовцев, в котором было «много красивейших панцирей, их шлемы были богато украшены золотом, сияли как зеркальное стекло»;³ в отношении войска самих орденских рыцарей, которые прибыли по зову магистра в «сняющей броне» и с «богатыми шлемами».⁴ Эти примеры можно умножить. Такими же словами хронистом описываются броня и шлемы русских войск, как псковской рати перед боем под Изборском, так и суздальской рати Александра Невского (см. стихи 2108—2109 и 2217—2219 в данной статье). Знамена конных отрядов всегда упоминаются как богато украшенные (стих 2218).⁵

Вывод, который можно сделать на основе этих описаний, тот, что броня, шлемы и знамена русской конницы, т. е. княжеских и боярских дружин конца XIII в., в глазах хрониста мало чем отличались от соответствующих доспехов конных воинов других народов, и поэтому он считал возможным применять при их описании литературные штампы немецкого рыцарского эпоса.

Иначе обстоит дело со стрелковым вооружением русских ополчений. Хронист каждый раз подчеркивает, что в русском войске было много стрелков. Он считает нужным это сделать и при рассказе о псковском войске (стих 2110), и при рассказе о вооружении суздальских отрядов Александра Невского (стих 2216). Когда хронист описывает бой, соответствующий Ледовому побоищу русских источников, он считает нужным сообщить, что русские стрелки были построены перед княжеским отрядом (дружиной) и мужественно приняли на себя первый натиск рыцарской конницы (стихи 2241—2243). В. Т. Пашуто отмечает, что такое использование стрелков

¹ Стилистические особенности «Рифмованной хроники» детально разобраны в работе Вернера Мейера (W. Meyer, *Stilistische Untersuchungen zur livländischen Reimchronik*, Diss. Greifswald, 1912).

² sie vürten schilt und sper || vil brunjen und manchen helm || den sach man lüchten durch den melm (v. 1084—1086).

³ mancher brunjen wunneclîch. || Ir helme wâren von golde rîch, || ez lûchte alsam ein spigelglas (v. 5017—5019).

⁴ mit mancher brunjen liechtevar. || Ir helme wâren rîche (v. 7178—7179).

⁵ См. v. 1590, 7579, 9224.

вполне соответствовало тактике того времени, и указывает на аналогичное боевое построение войск галицко-волинского князя Даниила Романовича. Только Пашуто называет оружие русских стрелков во время боя на льду «самострелами» (синоним к термину арбалет),⁶ в то время как хронист имел в виду русских стрелков из лука. Слово *bogen* — «лук» встречается в хронике два раза и всегда в связи с русскими стрелками. В первый раз лук упомянут при описании вооружения рати Александра Невского (стих 2216), но второй раз речь идет о русских стрелках, пришедших на помощь литовскому князю Торейде (*Thoreide*).⁷ Здесь интересно то, что литовский князь пользовался помощью именно русских стрелков, вооружение и тактика которых были, по-видимому, очень эффективны в борьбе с немецкими крестоносцами. Действенную стрельбу русских лучников хронист отмечает также во время осады тартуского вышгорода в 1262 г.⁸

Что же касается стрелкового вооружения гарнизонов орденских замков, то хронист неоднократно отмечает, что орденские стрелки пользовались арбалетами.⁹

Известно, что, несмотря на повсеместное распространение лука в качестве охотничьего оружия, он только у отдельных народов стал массовым боевым оружием. Если, например, у древних римлян лук не был в почете и в их войсках отряды лучников, как правило, состояли из федератов, то в средневековой Англии, наоборот, лук стал действительно национальным боевым оружием. Английские лучники славились во всей Западной Европе вплоть до окончательного вытеснения лука огнестрельным ручным оружием. Англичане пользовались на войне так называемым простым длинным луком. «Этот длинный лук был очень грозным оружием и обеспечил превосходство англичан над французами при Креси...», — пишет Ф. Энгельс.¹⁰ Английские исследователи считают, что лучник мог произвести в минуту шесть прицельных выстрелов и поражать противника в условиях боя на расстоянии до 180 м, опытные снайперы стреляли на расстояние до 350 м.¹¹

У прибалтийского народа земгалов лук и арбалет, по-видимому, не были сильно распространены как боевое оружие. Хронист рассказывает интересный эпизод, как земгалы, взяв орденский замок, оставили в живых одного

⁶ В. Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 105.

⁷ *Rüzenschützen wären komen || kunige Thoreiden zû vromen. || Sie wunten manchen mit ir bogen (v. 8217—8219).* — «Русские стрелки прибыли на помощь князю || Торейде. Они ранили многих своими луками».

⁸ *die Rûzen sêre des verdoz, || daʒ man sô vaste ûf sie schô z: || ir schutzen schuzzen vaste wider (v. 6643—6645).* — «русским очень не нравилось, || что по ним так сильно стреляли из тартуского вышгорода, || их стрелки открыли сильную ответную стрельбу».

⁹ Ср. v. 5425, 6224, 8195, 8640—8646, 10007, и др.

¹⁰ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I. М., 1937, стр. 160 и 369.

¹¹ *Encyclopaedia Britannica*, v. IV. London, 1963, p. 30.

пленного немецкого стрелка, чтобы он их научил пользоваться найденными в арсенале замка трофейными арбалетами. Много орденцев, не ожидавших со стороны земгалов стрельбы на расстоянии, были ранены вновь обученными земгальскими арбалетчиками.¹² Это известие переключается с вышеупомянутым рассказом о лиговском князе Торейде, в ополчении которого тоже не хватало собственных стрелков.

Можно считать, что все эти особенности вооружения разных народов, с которыми встречался автор «Рифмованной хроники» в Ливонии, верно им подмечены и переданы.

О стрелках из лука в новгородском войске мы узнаем также из труда другого ливонского хрониста — Генриха Латвийского. Он сообщает, что новгородцы послали в помощь эстам для обороны Тарту—Юрьева от немецких крестоносцев бывшего коннесского князя Вячко во главе отряда из двухсот лучников. В одном из сражений 1218 г. град русских стрел обратил в бегство отряды прибалтийских племен в составе войска немецких крестоносцев.¹³

Долгое время исследователи, изучавшие русское оружие периода феодализма, относились с недоверием к вышеприведенным свидетельствам ливонских хроник и недооценивали значение лучников в составе новгородского войска.¹⁴ Причиной такой точки зрения было почти полное отсутствие луков среди археологических находок.

Раскопки Новгородской археологической экспедиции внесли в этот вопрос окончательную ясность. На разных горизонтах культурного слоя в Новгороде найдено много деталей боевых луков и даже учебный детский лук. Эти находки позволяют установить, что новгородские луки были также длинными (не менее 190 см), но в отличие от английских и вообще западноевропейских луков они принадлежали к так называемому сложному типу (не в виде дуги, а в виде буквы М), распространенному у народов Востока.

Новгородские находки луков и стрел опубликованы А. Ф. Медведевым, там же приведено несколько стихов «Рифмованной хроники» в переводе А. В. Арциховского. По мнению Медведева, русский лук был в 3—4 раза скорострельнее арбалета.¹⁵

Но так как самострел-арбалет был снабжен прикладом и механическим приспособлением для натягивания тетивы, то стрельба из него была проще и

¹² в. 8631—8707.

¹³ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, стр. 236, 238, 191.

¹⁴ М. Г. Рабинович. Из истории русского оружия IX—XV вв. Тр. Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухи-Маклая, новая серия, т. I, 1947, стр. 91. — Е. А. Разин, наоборот, считает, что все новгородские воины имели луки, но зато он категорически отрицает наличие в новгородской рати специальных отрядов лучников (Е. А. Разин. История военного искусства, т. 2. М., 1957, стр. 147—148).

¹⁵ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Раздел «Лук и стрелы». Мат. и исслед. по археологии СССР, № 65, Тр. Новгородск. археол. экспедиции, т. II, стр. 138 и далее.

не требовала столь высокого индивидуального мастерства, как стрельба из лука. Поэтому со второй половины XIII в. самострелы получили довольно широкое распространение и на Руси, особенно при обороне городов. В Новгороде археологами найдено в разных частях города более двух десятков наконечников для арбалетных стрел. Но тем не менее сложный лук продолжал и в XIV—XV вв. быть основным русским стрелковым вооружением.¹⁶

Таким образом, вывод, который можно сделать на основании вышесказанного, тот, что автор «Рифмованной хроники» совершенно правильно заметил и отразил в тексте своего труда наличие в русском войске XIII в. большого числа стрелков, причем стрелков из лука, чем оно отличалось от ополчений некоторых прибалтийских народов и орденских отрядов, в составе которых были арбалетчики. Русские лучники умело пользовались своим оружием, нанося противникам большой урон, и западные агрессоры знали русских стрелков и правильно оценивали их как боевую силу. Лучники — это были в основном пешие вои, русский вооруженный народ, и, называя их всегда отдельно, хронист как бы противопоставлял их одетой в сияющие доспехи боярской коннице.

б. О князе «Герпольте»

Псковский князь с именем Герпольт известен только из «Рифмованной хроники». Все более поздние хронисты заимствуют это имя оттуда. Русские источники такого князя не знают, да и само имя имеет необычную форму. Несомненно оно представляет собой искаженное или переделанное на немецкий лад русское имя. Попытки расшифровки этого имени производились с конца XVII в. Они основывались на том, что в средневековой письменности стран, расположенных на берегах Балтийского моря, буквой *g* обозначался не взрывной звук, а щелевой и что вследствие этого русские слова, начинающиеся с йотированных гласных, часто транскрибировались латиницей при помощи буквы *g*.¹ Основываясь на этом, некоторые историки не сомневались в том, что за транскрипцией *Gerolt* скрывается русское имя, первая часть которого образована от корня «яр», вторую же часть они подбирали по созвучию со слогом «*rolt*», получая таким образом имя Ярополк. Это казалось тем более правдоподобным, что такая замена элемента «полк» в славянском имени на германское «*bold*» («*bald*») была уже известна из средневековых источников. В «Анналах монастыря Фульда» имя Святополк передано формами *Zwentibulchus*, *Zwentibaldus*, *Zuentipoldus*.²

¹⁶ Там же, стр. 149.

¹ Ср., например: *deh Gemmegrotschen* — ямгородцы (*Akten und Rezesse der livländischen Ständetage*, Bd. III. Riga, 1910, № 136); Тимофей Ярошка (*Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch*, Bd. IV. Reval, 1859, № 1796); *Gerithslavus*, *Gerzellavus*, *Gersleff* — Ярослав (*Scriptores rerum danicarum medii aevi*, t. IX, Havniae, 1878, p. 353); *Gerceslavus* — Ярослав (Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, стр. 192 и 384).

² Это было имя одного из сыновей императора Священной Римской империи Арнульфа (895—900 гг.). Этот франкский королевич был назван

Толкование Герпольш—Ярополк мы находим у Христ. Кельха, Иог. Г. Арндта и К. Е. Напьерского.³ Самый последний исследователь этого вопроса В. Т. Пашуто также придерживается такой расшифровки и высказывает предположение, что этот Ярополк был в интересующее нас время наместником новгородского князя в Пскове и что он же позже упоминается в Новгородской первой летописи под 1269 г. как участник похода на Ракверу.⁴ Были и другие отождествления Герпольша «Рифмованной хроники». Так, П. ф. Остен-Сакен полагает что за этим именем скрывается известный из летописи псковский посадник Твердило Иванкович.⁵ С. М. Соловьев считал возможным, что хронист так называл псковского воеводу Гавриила Гориславича.⁶

Мы считаем, что ближе всего подошли к истине П. Гетце и А. М. Амманн. Эти исследователи полагают, что Герпольш—это князь Ярослав Владимирович из рода смоленских Ростиславичей, единственный русский князь, который в те годы активно поддерживал нападение немецких крестоносцев на Русь.⁷ Летописи содержат ряд известий об этом князе-изменнике.⁸ В частности, по свидетельству летописей, Ярослав Владимирович лично участвовал в походе немецких рыцарей 1240 г. на Изборск,⁹ т. е. в том самом походе, который затем завершился захватом немцами Пскова. Весьма вероятно, что именно этого князя подразумевал автор хроники, упоминая загадочного Герпольша, помогавшего немецким рыцарям овладеть Псковом.

Подобное предположение подтверждается соображениями филологического характера. Закономерность передачи русского «Яр» через немецкое «Ger» была уже показана выше.¹⁰ Вторая половина имени Ярослава претер-

славянским именем в честь своего деда с материнской стороны, моравского князя (G. Schlimpert. *Slawische Personennamen in mittelalterlichen Quellen Deutschlands*. Berlin 1964, S. 47, Anm. 2).

³ C. K. Kelch. *Liefländische Historia*. Reval, 1865, S. 35; J. G. Arndt. *Der Liefländischen Chronik anderer Theil*. Halle, 1753, S. 45; *Scriptores rerum livonicarum*, Bd. I. Riga—Leipzig, 1853, p. 744.

⁴ В. Т. Пашуто. *Рифмованная хроника как источник по русской истории*. В кн.: *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран*. М., 1963, стр. 104.

⁵ P. v. d. Osten-Sacken. *Der erste Kampf des Deutschen Ordens gegen die Russen*. *Mitteilungen aus der livländischen Geschichte*, Bd. XX, Riga, 1907, S. 105.

⁶ С. М. Соловьев. *История России с древнейших времен*, т. III. 3-е изд. М., 1960, стр. 835, прим. 1.

⁷ P. Goetze. *Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland*. St.-Petersburg, 1854, S. 140; A. M. Ammann. *Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newskis*. Rom, 1936, S. 222.

⁸ См.: Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. Отдел первый. Указатель лиц, т. II, СПб., 1898, стр. 368; специальный очерк об этом князе — см.: P. Goetze, *op. cit.*, SS. 137—143.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. А. Н. Насонова. М., 1950 (далее — НПЛ), стр. 77, 294.

¹⁰ Подобная передача слога «Яр» в прибалтийско-немецкой письменности XIII в. зафиксирована и конкретно для данного лица: Генрих Латвийский

пела в хронике такое же изменение, как и вторая половина названия Изборска — *Isburg*, т. е. была онемечена. Русский второй компонент личных имен «слав» был заменен сходным по значению элементом немецких имен «*pol(t)d*».¹¹ Такой тип адаптации иноязычных имен, состоящий в том, что первая часть имени сохраняется, а вторая заменяется элементом того языка, который его воспринимает и приспособливает, встречается часто, в том числе и в русском языке.¹²

То, что в Герпольте «Рифмованной хроники» и в князе Ярославе Владимировиче русских источников мы должны видеть одно и то же лицо, подтверждается также всей жизнедеятельностью этого князя-изменника. Ярослав Владимирович принадлежал к той группировке псковских князей и бояр, которые с самого начала немецкой агрессии, боясь потерять в борьбе с немцами свою власть и свои доходы в эстонских и русских землях, пошли на предательский сговор с крестоносцами.

Уже отец Ярослава, псковский князь Владимир Мстиславович, был изгнан из Пскова в 1213 г. за дружбу с немцами (он выдал в 1212 г. одну из своих дочерей замуж за крестоносца Теодориха, брата рижского епископа Альберга;¹³ этим самым он породнился и с будущим тартуским епископом Германом, тоже братом Альберта). После изгнания из Пскова Владимир дважды уходил из русских земель в Ливонию, где принимал участие в качестве фогта захватчиков в ограблении и порабощении прибалтийских народов.¹⁴ Но очень скоро он увидел, что немецкие феодалы не так уж охотно делят с ним свою добычу; тогда он вернулся на Русь и стал врагом ливон-

в своей хронике называет Ярослава Владимировича *Gerceslawe* (Хроника Ливонии, стр. 384).

¹¹ Этот элемент мы встречаем, например, в таких именах, как *Leopold*, *Humbold*; он имеет в германских языках значение «быстрый», «смелый», «сияющий» и происходит от равнозначного прилагательного *balt* (см.: *J. Grimm und W. Grimm. Deutsches Wörterbuch, Bd. I. Leipzig, 1854, S. 1081*).

¹² Ср. сохранившийся как на русском, так и на немецком языке текст новгородско-ливонского договора 1421 г., где в русском документе один из ливонских послов Говсин (*Goswin*) назван Гостела, а другой Герман (*Herman*) — Еремей (ГВНП, № 60); немецкий текст этого договора см.: Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским, СПб., 1868, № 213. Имя *Gerpolt* в устной речи немцев должно было звучать как Ерпольт или Ярпольт. Такая адаптация имени Ярослав облегчалась еще тем, что в те времена существовало немецкое имя *Gerbold*. См. указатель личных имен к XVI т. «*Monumenta Germaniae Historica*», где указаны два носителя этого имени из Северной Германии.

¹³ Генрих Латвийский, ук. соч., стр. 151, 160; НПЛ, стр. 52, 250. О кн. Владимире Мстиславиче см.: *M. Taube. Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (XII und XIII Jahrh.). Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, Bd. XI, H. III—IV, Breslau, 1935, SS. 456—458.*

¹⁴ Генрих Латвийский, ук. соч., стр. 160—163.

ских немцев.¹⁵ Он умер после 1225 или 1226 г. (последние упоминания его имени в летописи).¹⁶

По примеру своего отца Ярослав Владимирович неоднократно изменял русским интересам и переходил на сторону ливонских немцев (в 1214 г., в начале и в конце 1230-х гг.). Считая Псковскую землю своим наследием, Ярослав дважды делал попытки вернуться в Псков с помощью немцев. В 1233 г. он вместе с немцами и группой новгородских бояр-перебежчиков («Борисова чадь» летописи) «изгоном» временно захватил Изборск, но попал в плен.¹⁷ По-видимому, ему удалось скоро освободиться, так как в 1240 г. мы его опять находим в рядах немецко-датского войска во время его грабительского похода на Изборск и Псков.¹⁸ После сдачи Пскова немцам он, возможно, был ими водворен в Псков в качестве князя-марионетки, который, по данным «Рифмованной хроники», под онемеченным именем Герпольт немедленно и «добровольно» передал по договору ордену в управление Псковскую землю.

Ставку на Ярослава—Герпольта делал не только орден, но и римская курия, так как Ярослав был единственным русским князем, который был склонен перейти в католичество.¹⁹ Н. М. Карамзин предполагает, что известное письмо папы Григория IX, в котором тот старается утвердить какого-то русского князя в его желании присоединиться к католической церкви, было адресовано Ярославу.²⁰ Б. Я. Рамм упоминает о письме папы Гонория III в Псков аналогичного содержания; он относит его к 1228 г.²¹ По-видимому, Ярослав незадолго до своей смерти (около 1245 г.) действительно стал католиком, так как существует документ 1299 г., где упоминается дарственный акт Ярослава, в котором он свою отчину, Псковскую землю, передает дерптскому епископству.²² А. М. Амманн лично изучал оригинал этого документа в Стокгольмском государственном архиве и дает в своей работе его фотокопию. Он считает, что упоминаемый в документе дар Ярослава тождествен с его уступкой Псковской земли в 1240 г. после захвата Пскова крестонос-

¹⁵ Там же, стр. 163, 181, 183—185, 191; НПЛ, стр. 57, 258; см. также: М. Таубе, *op. cit.*, SS. 457—458.

¹⁶ НПЛ, стр. 64, 268.

¹⁷ Псковские летописи, вып. 2, М., 1955, стр. 79; НПЛ, стр. 77, 282.

¹⁸ НПЛ, стр. 77, 294.

¹⁹ L. A. Gebhardi, *Geschichte von Liefland, Esthland, Kurland und Semgallen*. Halle, 1785, SS. 375—377.

²⁰ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1842, стр. 122, прим. 341.

²¹ Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1959, стр. 125, прим. 128.

²² Этот документ является копией договора 1248 г. дерптского епископа с орденом о разделе между ними в случае завоевания «Псковского княжества, переданного князем Ярославом, наследником этого княжества, дерптской церкви» («regni, quod Plescekowe nominatur, a rege Ghereslawo, eiusdem regni herede, supradictae ecclesiae Tharbatensi collati...») — *Liv-est und kurländisches Urkundenbuch*, Bd. III. Reval, 1857, № 200a).

цами.²³ Но этому мнению противоречит то обстоятельство, что в 1240 г., по данным «Рифмованной хроники», Ярослав передал Псковскую землю в руки ордена, тогда как в стокгольмском же акте речь идет о даре еще не завоеванного Псковского княжества гартускому епископству. Орден и епископство должны рассматриваться как совершенно разные юридические лица. Видимо, князь Ярослав—Герпольт Владимирович два раза за свою жизнь изменника предал и продал свою «отчину»—Псковскую землю. Таким образом, наиболее вероятно, что под именем князя Герпольта в «Рифмованной хронике» подразумевался князь Ярослав Владимирович.

Однако объективности ради следует указать и обстоятельства, говорящие не в пользу этого вывода. В русских летописях прямо говорится, что Ярослав Владимирович пришел в 1240 г. на Русь вместе с войском немецких рыцарей. Из текста же «Рифмованной хроники» скорее следует, что Герпольт находился во Пскове и был псковским князем в то время, когда немецкие рыцари подошли к городу и начали осаду, и что Герпольт, сидя во Пскове, вел переговоры с рыцарями и отдал и город, и все княжество немецкому ордену.

Видимо, ко времени составления «Рифмованной хроники» в Ливонии сохранились лишь глухие воспоминания о том, что какой-то псковский князь Герпольт (Герцеслав) сыграл важную роль при овладении немецкими рыцарями Псковом, но в чем конкретно состояла эта роль, в чем стане находился князь во время похода на Изборск и Псков—об этом уже не помнили. Кроме того, ко времени составления хроники сохранились и какие-то воспоминания о том, что во время тех же событий князь Герпольт—Ярослав официально уступил Псковское княжество немецким завоевателям. И поскольку в Ливонии наряду с этим помнили, что Псков во время данного похода не был взят военным путем, а был захвачен путем переговоров с русскими, был добровольно сдан городскими властями, хронист связал все эти сведения воедино, решив, что если Псков был сдан и в этих событиях участвовал псковский князь Герпольт, то, значит, именно он и сдал город немцам.

Иными словами, текст хроники, посвященный князю Герпольту, не может считаться вполне надежным источником и в целом, и в частности. В нем достоверен лишь сам факт какого-то участия князя Герпольта—Ярослава в изменнической сдаче Пскова немецким рыцарям. Весьма вероятно, что пришедший вместе с рыцарским войском к стенам Пскова Ярослав в ходе начавшихся переговоров использовал свои личные связи с псковским боярством и помог немецкому командованию уговорить (а может быть—сыграл в переговорах решающую роль, т. е. уговорил) значительную часть псковских бояр сдать город немцам. Кроме того, Ярослав, по всей видимости, действительно сделал какое-то устное или письменное заявление о передаче своих наследственных прав на Псковское княжество ордену или Дерптскому епископству (а может быть—в разное время два заявления, одно в пользу

²³ А. М. А m m a n n, op. cit., SS. 274—275.

ордена, другое — в пользу епископства), поскольку эти сведения хроники подтверждаются другими данными (см. выше, стр. 222—223); однако было ли сделано Ярославом это заявление в 1240 г. в связи с захватом немцами Пскова (может быть, сразу после занятия города) или в совсем другое время, вне связи с данными событиями, — точно установить невозможно.

в. О магистре

Автор «Рифмованной хроники», описывая военные действия ордена против русских в первый, удачный для рыцарей период, два раза упоминает, что в этих делах личное участие принимал глава Ливонской ветви ордена — провинциальный магистр (нем. — Landmeister von Livland): магистр приходит с рыцарями на помощь тартускому епископу и принимает участие в походе на Изборск и Псков (стих 2078), он же берет на себя функции военно-административного управления в капигулировавшем Пскове (стих 2163). Что же касается второго периода войны, приведшего к полному поражению орденского войска, то хроника не содержит никаких указаний на то, кто же командовал братьями-рыцарями во время Ледового побоища и какова дальнейшая судьба этого неудачливого полководца.

Такое умалчивание о сановнике ордена, ответственном за его поражение, вполне соответствует назначению и стилю хроники, которая должна была восхвалять доблесть орденских рыцарей и мудрость их руководителей.

Автор хроники в своем повествовании использует как хронологическую канву периоды правления отдельных магистров. События, приведшие к битве на льду и к окончательному приостановлению наступления крестоносцев на Русь, он относит ко времени магистра Германа Балке, срок правления которого в Ливонии он определяет в пять с половиной лет (стихи 2281—2294). Но именно в этом хронист обнаруживает свою полную неосведомленность в хронологии событий внутренней жизни ордена, что можно объяснить лишь тем, что в его распоряжении совершенно не было письменных источников (хроник, актов и грамот) по истории ордена за этот период.

В действительности Герман Балке был ливонским ландмейстером не более двух лет (1237—1238 гг.). В начале марта 1239 г. он уже умер. Его преемником в Ливонии в 1238 г. стал Дитрих фон Грюнинген, который и был главой ливонской ветви ордена в интересующие нас годы (1238—1242 и 1244—1246 гг.). Но в событиях на ливоно-псковской и ливоно-новгородской границах он непосредственного участия не принимал, так как руководил в это время орденскими войсками, действовавшими против куршей и литовцев на территории Курляндии.¹

¹ M. Tumlér, *Der Deutsche Orden*. Wien, 1955, SS. 265—266, 618; А. Энгельман, *Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях*. СПб., 1858, стр. 112—115, 131—132.

Так кто же был в действительности упоминаемый хронистом магистр? Этот вопрос еще в середине прошлого века поставил А. Энгельман.² Он приходит к выводу, что этим лицом был Андреас фон Вельвен, который у М. Тумлера значится ливонским вице-магистром в 1241 г.³ Это тем более вероятно, что с этим орденским деятелем обычно отождествляют персонаж из *Жития Александра Невского* — Андреяша.⁴ Этот Андреяш, охарактеризованный как «нѣкто силенъ отъ Западныхъ страны, иже нарицаются слугы божия», приезжает незадолго до похода ордена на Русь к Александру, чтобы лично узнать его.⁵ Термин «слуги божия», который мы здесь находим, перекликается с летописным термином «божии рыторѣ», как в Новгородской летописи названы взятые в плен во время Ледового побоища орденские рыцари.⁶ Только в «Житии» слово «рыторѣ» заменено в соответствии с жанром произведения более общепонятным «слуги». Э. Бонель относит поездку Вельвена в Новгород к весне или лету 1240 г.⁷ Несомненно, что путешествие в это время видного орденского руководителя по Новгородской земле носило разведывательный характер.⁸

То, что Андреас фон Вельвен заключил от имени ордена договор с сааремааским (эзельским) епископом о разделе светской и духовной власти в завоеванных русских землях, также подтверждает его руководящую роль в проведении крестового похода на Русь.⁹

г. О потерях

Сведения о потерях в боях между русскими и немцами в 1240—1242 гг. приведены в «Рифмованной хронике» два раза: в рассказе о битве под Изборском, где указаны потери псковичей в 800 человек (стих 2120), и в рассказе о Ледовом побоище, где сообщается, что орденских рыцарей тогда было убито 20 человек, а 6 взято в плен (стихи 2260—2261).

² А. Энгельман, ук. соч., стр. 131—134.

³ М. T u m l e r, op. cit., S. 618.

⁴ Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, Именной указатель, стр. 309 и 312.

⁵ Там же, стр. 11.

⁶ НПЛ, стр. 296. «Божии рыторѣ» — дословный перевод одного из самоназваний орденских рыцарей «gotes ritter», употребляемое также неоднократно автором «Рифмованной хроники» (v. 599, 2010, 4732, 6481 и мн. др.).

⁷ E. B o n n e l l. Russisch-livländische Chronographie. St.-Pbg., 1862, Chronologie, S. 56.

⁸ Хотя эпизод с Андреяшем является сравнительно поздним добавлением в литературный памятник и поэтому не может претендовать на большую долю достоверности, он все же основывается на каких-то реальных фактах новгородско-ливонских отношений. Ср.: И. П. Шаскольский. Папская курия — главный организатор крестового похода 1240—42 гг. против Руси. Ист. записки, 1951, № 37, стр. 187, прим. 2.

⁹ Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch, Bd. III, № 169a; ср.: P. v. d. O s t e n - S a c k e n. Der erste Kampf des Deutschen Ordens gegen die Russen. Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. XX, Riga, 1907, SS. 102—103, 107.

Цифра потерь под Изборском хорошо согласуется с данными Псковской 2-й летописи, в которой мы соответственно находим цифру 600. Сопоставляя эти данные, можно сделать вывод, что эта битва была действительно кровопролитной: потери исчислялись сотнями павших участников, в том числе не менее 600 псковичей. Этот вывод подкрепляется указанием Новгородской 1-й летописи, что в этом сражении «плесковиць в сугонь много побиха».¹ Несомненно, что в число павших под Изборском русских включены не только бояре и другие «нарочитые» люди, как это часто бывает при указании потерь в источниках феодального периода, а действительно все убитые псковские воины, в том числе и рядовые ополченцы.

Хуже согласуются данные «Рифмованной хроники» и летописей относительно потерь крестоносцев во время битвы на льду. Незначительному числу убитых и взятых в плен орденских рыцарей (20 и 6), указанному хронистом, прогивостоят в летописи цифры 500 и 50.²

Данные «Рифмованной хроники» с самого начала стали вызывать недоверие исследователей. Еще автор «Хроники Тевтонского ордена», писавший во второй половине XV в., увеличивает число убитых рыцарей до семидесяти. Правда, он в своем повествовании не выделяет отдельно Ледовое побоище, а объединяет его в одно сражение с военными действиями Александра Невского по освобождению Пскова и изгнанию немцев из Псковской земли. Из «Хроники Тевтонского ордена» число 70 было заимствовано Б. Руссовым, который к нему еще добавил из какого-то другого источника, возможно «Рифмованной хроники», и 6 попавших в плен рыцарей, считая их замученными в плену (см. тексты этих хроник в данной статье).

Одному из последних западноевропейских исследователей этого вопроса, А. М. Амману, число убитых рыцарей, названное в «Рифмованной хронике», показалось настолько малым по сравнению с тем значением, которое он придает их разгрому в битве на льду, что он его подсознательно (он при этом ссылается на «Рифмованную хронику») увеличивает до 60 и сразу же рядом приводит 50, как число попавших в плен рыцарей, и другие данные о потерях немцев, почерпнутые им из русских летописей, которые ему казались более достоверным источником.³

Из советских ученых В. Т. Пашуто выдвинул оригинальную гипотезу, чтобы объяснить вызывающие сомнения цифровые данные «Рифмованной хроники». Исходя из своего положения, что описание хроники зиждется на тексте каких-то не дошедших до нас «Дерптских анналов», Пашуто предполагает, что хронист здесь выдает за неизвестные ему потери орденских рыцарей вычитанные им из этих анналов действительные потери вассалов тар-

¹ НПЛ, стр. 294.

² НПЛ, стр. 296.

³ Интересно, что даже этот ватиканский историк-иезуит вынужден признать, что Ледовое побоище было «точкой, поставленной в конце целого периода развития и что русские летописцы это поняли» (А. М. А м м а н n. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newskis. Rom. 1936, SS. 226—227).

туского (дерптского) епископа, так как вряд ли он мог иметь представление о потерях орденцев, если даже не знал, кто из магистров участвовал в сражении.⁴

Мы считаем, что при критической оценке числа убитых во время Ледового побоища рыцарей, сообщенного в «Рифмованной хронике», нужно иметь в виду, что хронист говорит не о потерях крестоносного войска вообще, а только о числе убитых «братьев-рыцарей», т. е. о рыцарях — действительных членах ордена. Поэтому при анализе этого числа нужно исходить из тех данных о числе орденских рыцарей в Ливонии и Пруссии, которые сохранились в источниках.

Из самой «Рифмованной хроники» мы узнаем, что в 1236 г. в битве при Шауляй, где литовцы разгромили крестоносное войско, руководимое орденном меченосцем, было убито 48 орденских рыцарей.⁵ Это число хорошо согласуется с данными совершенно другого источника, папской буллы, которая называет число 50.⁶ Потери рыцарей в этом сражении оценивались и оцениваются как почти полное уничтожение личного состава Ордена меченосцев, и эти потери привели к слиянию остатков этого ордена с Тевтонским орденом в Пруссии. Для сравнения можно привлечь данные Новгородской летописи. В битве при Шауляй против литовцев на стороне ордена сражался и псковский вспомогательный отряд в 200 человек. Из них вернулись домой лишь 20 человек. Следовательно, потери побежденной стороны в этой битве доходили до 90%.⁷

Для пополнения личного состава ордена в Ливонию был из Пруссии послан магистр Герман Балке с 54 рыцарями.⁸ Это число также хорошо согласуется с числом убитых под Шауляй братьев-рыцарей. Таким образом, число орденских рыцарей, действовавших в Ливонии за несколько лет до начала агрессии ордена против Новгорода и Пскова, учитывая оставшихся в живых меченосцев и вновь прибывших тевтонцев, должно было находиться где-то между пятьюдесятью и стами, приближаясь к последнему числу, но вряд ли превышая его.⁹ К 1242 г. оно, возможно, несколько увеличилось за счет новых подкреплений из Пруссии.

⁴ В. Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 105.

⁵ «achte und vierzik der dâ bliben» (LR, v. 1946).

⁶ В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 371.

⁷ НПЛ, стр. 74.

⁸ «vier und vumfzik helde wert» (LR, v. 2001).

⁹ У М. Тумлера собран материал о числе орденских рыцарей в разные столетия. До 1410 г. источники содержат только случайные цифровые данные. Так, для 1279 г. известно, что в замке Терветен (Курляндия) числилось 12 братьев-рыцарей. В 1451 г. во всей ливонской ветви Тевтонского ордена было только 195 братьев-рыцарей, из них в Риге 14, в Венденском замке 12, а в Нарве всего 6. Тумлер предполагает, что в лучшие годы ордена число рыцарей в Пруссии и Ливонии не превышало 2000 человек, что дает вместе с оруженосцами и другими военными слугами ордена для каждой из обеих

О составе и комплектовании крестоносного войска в Ливонии XIII в. содержится богатый и достоверный материал в «Рифмованной хронике». Так, например, перед походом в страну земгалов магистр ордена лично объездил епископов и датских вассалов, чтобы заручиться их участием. Специальные гонцы сообщили братьям-рыцарям в разных замках срок, когда те должны прибыть в Ригу, приведя с собой ополчение из подневольных общинников своей округи, ливов, лэтов, эстов.¹⁰ Отдельные рыцари приво-дили с собой отряды до ста человек. Упоминается также большое число ору-женосцев и военных слуг. Вместе с рыцарями отправлялись в поход по старой традиции бюргеры города Риги и паломники-крестоносцы из Германии, ко-торые обычно прибывали морским путем сроком на год под водительством видных феодалов, чтобы участвовать в военных действиях по завоеванию Ливонии.¹¹

Это разношерстное войско на месте сбора разбивалось на отдельные отряды (знамена — *baniere*), командование которыми поручалось наиболее опытным и смелым рыцарям. Этим начальникам отрядов придавались провод-ники из местных жителей, и войско выступало в поход.¹² Число братьев-ры-царей, участвовавших в таких походах, мы находим у хрониста для более позднего времени (1268 г.). Мы узнаем, что из замков Вильянди, Лесаль и Вейсенштейн прибыло 34 рыцаря (часть рыцарей из Вильянди была в это время в другом походе).¹³ Для осады Пскова в этом году магистр привел с собой 180 орденских рыцарей, в то время как все крестоносное войско исчислялось 18 тысячами.¹⁴ На эти цифры уже указывал В. Т. Пашуто в неоднократно нами цитированной статье.

Из всего вышесказанного вытекает, что орденских братьев-рыцарей сле-дует рассматривать не как основную массу крестоносного войска в Ливонии, а только как его главную организующую силу, как его командный состав и ядро тяжелой кавалерии.

Нужно также учесть, что одновременно с военными действиями против Новгорода и Пскова, приведшими к битве на льду, орден вел также войну в стране куршей, чтобы захватить эту территорию, разъединявшую прусские и ливонские владения ордена. Этими действиями руководил лично ливон-ский магистр Грюнинген во главе крупного отряда братьев-рыцарей.¹⁵

территорий конное войско, силой от 5000 до 8000 всадников (M. T um l e r. Der Deutsche Orden. Wien, 1955, S. 389 f., S. 493 f.).

¹⁰ Интересно сообщение хрониста в другом месте о том, что орденским управителям (фогтам) к месту сбора войска удавалось привести только часть ополчения из подневольного сельского населения, значительная часть его, услышав о призыве, предпочитала скрыться в леса, забирая с собой и своих лошадей (LR, v. 10579—10586).

¹¹ LR, v. 9507—9542, 9219—9221, 9123—9124.

¹² LR, v. 4187—4228.

¹³ LR, v. 7599—7600.

¹⁴ LR, v. 7687—7693.

¹⁵ M. T um l e r, op. cit., S. 266.

А. А. Строков полагает, что в Ледовом побоище с каждой стороны участвовало примерно по 15 000 человек. Указанные в летописи потери крестоносцев убитыми и пленными в 550 тяжело вооруженных всадников он оценивает для того времени как исключительно большие.¹⁶ Е. А. Разин высказывает мнение, что немецкое войско могло насчитывать 10—12 тыс., а новгородское — 15—17 тыс. человек.¹⁷

В свете вышеизложенного нужно признать, что цифровые данные о потерях крестоносцев во время битвы на льду, которые мы находим как в летописях, так и в «Рифмованной хронике», заслуживают доверия. Они остаются в пределах, допустимых для численности войск, действовавших в данное время на данных территориях. Только «Рифмованная хроника» называет нам лишь число убитых и плененных рыцарей, действительных членов Тевтонского ордена, в то время как летописи приводят число всех убитых и взятых в плен «нарочитых» немцев, участников боя. Количество же убитых воинов из отрядов подвластных немцам чуди-эстов никто не считал, им, по выражению летописи, «несть числа».

д. Об источниках «Рифмованной хроники»

Большой интерес представляет собой вопрос об источниках «Рифмованной хроники», в частности вопрос о том, откуда автор хроники почерпнул свои сведения о развитии и конце орденского наступления на Русь в 1240—1242 гг. До настоящего времени многие исследователи полагают, что у хрониста был под руками какой-то письменный источник. При этом указывают на то, что в тексте хроники часто упоминается какая-то книга (buch) и грамоты (briefe). В свое время Ф. Вахтсмут, а совсем недавно В. Т. Пашуто выдвинули предположение, что этой книгой могли быть не дошедшие до нас «Тартуские [Дерптские] анналы», которыми хронист воспользовался для изложения русско-ливонских отношений в интересующий нас период.¹

Такой точке зрения можно противопоставить вывод, к которому пришел П. Экке на основе очень внимательного анализа всех мест хроники, где говорится о «книге» и «грамотах». П. Экке установил, что под «книгой» хронист всегда подразумевает свое собственное произведение.² Ввиду того что его хроника была предназначена для чтения вслух, он, резюмируя уже прочитанное или предупреждая о событиях, рассказываемых в последующих

¹⁶ А. А. Строков. История военного искусства, т. I. М., 1955, стр. 262 и 266.

¹⁷ Е. А. Разин. История военного искусства, т. 2. М., 1957, стр. 160.

¹ Fr. Wachsmuth. Quellen und Verfasser der livländischen Reimchronik. Programm des Gymnasiums zu Mitau. Mitau, 1878, S. 23; В. Т. Пашуто. Рифмованная хроника как источник по русской истории. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 104.

² P. Eске. Die livländische Reimchronik. Diss. Greifswald, 1910, S. 13 f.

главах, очень часто прибегает к стереотипным фразам типа «как вам сообщает (сообщила) эта книга» или «эта книга вам все расскажет».³

Что же касается упоминаемых в хронике грамот, то они фигурируют в тексте там, где это требуют описываемые события, например, когда сообщается, что папский легат Вильгельм Моденский написал в Рим письмо о совершившемся в Ливонии чуде, или когда меченосцы пишут Герману фон Зальца письмо с просьбой принять их в состав Тевтонского ордена.⁴ Сообщая о таких письмах, хронист никогда не говорит о том, что он их лично видел, читал и на их содержании строит свое повествование.

П. Экке приходит к выводу, что хронист не пользовался письменными источниками: там, где он не описывает события как современник и очевидец, он опирается лишь на устную традицию; о том же, что он пользовался списками магистров ордена, можно только предположить, прямых указаний на это текст хроники также не содержит.⁵

В том месте, где хронист сам прямо ссылается на источники своих сведений, он пишет, что получил эти сведения от «мудрых людей».⁶

Произведенный нами повторный просмотр и анализ мест хроники с упоминанием «книги» и «грамот» полностью подтверждает наблюдения и выводы П. Экке об отсутствии у хрониста письменных источников.

Отсутствие каких-либо анналов в качестве источника у хрониста видно также из того, что он только три раза во всем тексте называет нам год.⁷ Это, во-первых, 1143 г., к которому он на основании недостоверной традиции относит рукоположение первого епископа Ливонии Мейнарда (в действительности это произошло в 1186 г.). Кроме этого года, мы находим в хронике упомянутыми еще 1278 и 1290 гг. Оба эти года относятся к периоду, когда хронист лично находился в Ливонии, он их, следовательно, восстанавливает по собственной памяти, не нуждаясь для этого в каком-либо письменном источнике. Анналы (летописи) строятся как погодная запись событий. Если бы хронист пользовался в качестве источника каким-нибудь письменным трудом такого типа, то это несомненно отразилось бы на хронологической канве его изложения: он чаще приобщал бы события к тем или иным календарным датам, называя год. Хронист же организует свое изложение по периодам правления отдельных магистров ордена, не упоминая ни года их вступления в должность, ни года их выбытия.

³ «als ûch daz bûch tût bekant» (LR, v. 2424); «diz bûch ûch alle sagen wil» (LR, v. 3432). Ср. также стих 2291 в этой статье; встречаются и другие варианты, но цель и смысл у них одни и те же.

⁴ LR, v. 1320, 1970—1974.

⁵ P. Eске, op. cit., SS. 14, 15.

⁶ nû wil ich machen ûch bekant, || wie der cristentûm ist komen || zû Nieflant als ich hân vernomen || von allen wîsen lûten — «теперь я хочу вас ознакомить с тем, как христианство распространилось в Ливонии, как я это узнал от всех мудрых людей» (LR, v. 120—123).

⁷ LR, v. 431—432, 8499, 11635.

Разберем теперь вопрос, откуда у хрониста могли быть известия о непосредственно интересующих нас событиях 1240—1242 гг. Отвергая возможность наличия письменного источника типа анналов, попытаемся определить принадлежность информатора хрониста к той или иной группировке ливонских немцев того времени. Ведь хронист прибыл в Ливонию в конце 70-х годов XIII в. и в это время вполне мог там встретить людей в возрасте шестидесяти лет и старше, которые были активными участниками похода на Псков и Ледового побоища.

Кто же был информатором хрониста? Мы считаем, что им не могло быть какое-нибудь руководящее лицо католической церкви (епископ или каноник) или ордена (магистр или комтур), так как хронист совершенно не видит в описываемых действиях ливонских духовных феодалов выполнение заранее составленного римской курией плана комбинированного крестового похода на Русь. В изложении хрониста все эти военные действия просто крупные, но обычные столкновения ливонских феодалов с русскими, вызванные чисто местными поводами (набеги псковичей на земли тартуского епископа).

Мы считаем также, что информация хрониста вообще не могла исходить от лица, так или иначе связанного с орденом (брата-рыцаря или клирика), так как в его рассказе совершенно не отражены такие важные самостоятельные действия орденцев, как захват Водской земли, постройка замка в Копорье, набеги на плодородные районы по р. Луге, а также позорный конец всей этой авантюры, их изгнание из этих захваченных земель Александром Невским.

Все исследователи единодушно в том, что события 1240—1242 гг. изложены хронистом очень узко, как бы с тартуской колокольни, по линии Тарту—Изборск—Псков, такими, какими мог их видеть участник тартуского епископского войска, не задумывающийся особенно о целях и планах своего сюзерена. Таким образом, мы склоняемся к тому, чтобы искать информатора хрониста среди рыцарей-вассалов тартуского епископа. Укрепленным местом жительства большой группы таких рыцарей-вассалов тартуской епископии был замок Медвежья голова (Отепя, Оденпэ), часто упоминаемый в русских летописях. Этот епископский рыцарь, по-видимому, лично принимал участие в походе на Изборск и Псков и принадлежал к той части тартуского войска, которая, согласно тексту «Рифмованной хроники», в ходе битвы на льду своевременно вышла из боя (стихи 2257—2259), или, как сказано в летописи, «даша плещи».⁸ Сохранив себе таким образом жизнь, этот вассал тартуского епископа смог около сорока лет спустя рассказать любознательному хронисту об исторических событиях, участником которых ему удалось быть. Но ни он, ни хронист не были в состоянии правильно определить истинное значение этих событий.

---

⁸ НПЛ, стр. 296.

2. «ХРОНИКА ЛИВОНИИ» ГЕРМАНА ФОН ВАРТБЕРГЕ

Автор этой хроники — духовное лицо, капеллан магистра Ливонского ордена. Хроника написана латинской прозой. Дошла она до нас в единственной рукописи, хранившейся в Данцигском архиве. Описание событий в ней доведено до 1378 г. Считают, что она составлена несколькими годами позже. Падение Пскова и последующее его освобождение новгородцами описаны в ней очень лаконично. По неизвестной причине Вартберге относит эти события ко времени существования ордена меченосцев, т. е. ко времени до 1237 г.

Публикуемый ниже перевод отрывка из хроники Вартберге сделан на основе текста, изданного Э. Штрельке в «Собрании прусских хроник».¹

Т е к с т

«Item castrum Ysborch Ruthenorum expugnavit. Rutheni vero Plescowenses cremata civitate eorum se illi subdiderunt. Reliquit autem idem magister duos fratres cum paucis ibi pro conservacione castrum ad augmentandum numerum conversorum. Sed Nogardenses hoc intelligentes relictos fratres cum familia subito amoverunt».

П е р е в о д

«Затем [он]² приступом взял у русских замок Изборск.³ Русские, вернее псковичи, сожгли свой город⁴ и подчинились ему.⁵ А тот магистр оставил там двух братьев-рыцарей с небольшими силами для береженья замка⁶ и для того, чтобы увеличилось число обращаемых в католичество.⁷ Но новгородцы этих упомянутых оставленных братьев-рыцарей с их слугами внезапно изгнали».⁸

3. ХРОНИКА ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

«Хроника Тевтонского ордена» — это официальная история ордена; списки хроники хранились в замках и учреждениях ордена и служили для справок и для ознакомления рыцарей с прошлым их организации. Она охва-

¹ Herman de Wartberge. Chronicon Livoniae, hrsg. von Ernst Strehlke. Scriptores rerum Prussicarum, Bd. II. Leipzig, 1863, p. 29.

² Под действующим лицом Вартберге подразумевает здесь магистра Ордена меченосцев Вольквина (Volquinus).

³ Ср. v. 2089—2091 «Рифмованной хроники».

⁴ «Рифмованная хроника» не упоминает о сожжении псковичами посада в 1240 г., но она сообщает, что псковичи сожгли свой посад и укрылись в Кремле во время другого набега рыцарей на Псков (в 1269 г.); см. стихи 7711—7728.

⁵ Ср. v. 2154 «Рифмованной хроники».

⁶ Ср. v. 2173—2175 «Рифмованной хроники».

⁷ В «Рифмованной хронике» этого нет. Ее автора более интересует захват псковских городов и плодородных земель (см. v. 2160: «burge und gute lant»), но для капеллана Вартберге представляет интерес и число обращаемых в «истинную веру».

⁸ Ср. v. 2189—2192 «Рифмованной хроники».

тывает события до 1467 г. Время ее составления — вторая половина XV в. В хронику включены также разделы, излагающие историю ливонской ветви ордена. Главным источником для этих разделов до 1290 г. служила «Старшая ливонская Рифмованная хроника». Компилятор орденской хроники пересказывает, иногда очень сокращенно, ее содержание прозой. Язык дошедших до нас рукописей «Хроники Тевтонского ордена» — средненижнегерманский.

Разделы орденской хроники, касающиеся Ливонии, были выделены и отдельно изданы К. Э. Напьерским и Т. Кальмейером в первом томе собрания ливонских хроник.¹ Текст для этого издания был взят из хранившегося в Рижской городской библиотеке списка хроники, который был сделан в 1597 г. по заказу рижского бургомистра и историка Франца Ниенштедта с рукописи второй половины XV в. Публикуемый здесь перевод отрывка «Хроники Тевтонского ордена» за 1238—1242 гг. сделан по тексту из «Scriptores rerum livonicarum», стр. 853. В примечаниях указывается на некоторые разночтения в кенигсбергской рукописи хроники под условным обозначением К.

Т е к с т

Deße Mysterr Herman Valck bestalde tegen den Rußenn, de dem Orden vele Ledes deden, sunderlyck dem Byschopp Hermann von Dorpte, mith des Koninges Volcke, Vnd Meyster Herman toch mit macht In Rußlandt vor eyne Borch, geheytent Ißborch, Vnd de Rußen qwemen hyr tegen, Vnd dar warth gestreden vnnnd gefochtenn sehr. Die Chrysten behelden die auerhandt, Vnd dar bleuen doeth Achte hundert Rußenn, Vnd die anderen entschlogenn, Vnd der worth vele geuangenn. Deße Meyster mith synen Broderen, vndt Volck schlogenn er Telth vor Pleßkauwe, eyn Stadt also geheytent, Vp dath Velth Inn Rußlandt. De Meyster dede gebeden, dath syck eyn Iderr rede makede, Vmme tho stormen beyde borch vnd Statt. De Russen begerden eynen frede, Vnd die Pleßkowerr boden syck vnder denn Orden, wolden geuen vnd dar wordt eyn frede gemaket mith den Rußenn. Alß dath Geerpolth oer Konnyng beleuede, dath de Borch vnd Statt vnd Alle, dath dar by lach, die gyngen vnder denn Ordenn vnd worden Christen. De Meyster besatte die Statt vnd Borch mith twen synen Broderenn, vnd meth Chrysten Volcke, vnd löueden Godt, vnd syne benediede Moder, van grother Victorien vnd reysedenn wedderumb.

V a n L y f f l a n d t

By diesem Meister Conradts tyden so was eyn grothe Stadt In Rußlandt gehethenn Neugardenn, vnd dar was eyn konningk Alexander. Diese vernam, dath die Van Pleßkouwe an den Duytschenn Orden gegann wharenn, by dem Meyster Hermans tyden van Salsa alß vorgeschreuen stehett. Deße Konninck Alexander makede syck rede mith eynem grothem Heere van Volcke, vnd toech mit grother macht vor Pleßkouwe, vnd wanth sie. Sunder die Chrystenn werdenn syck frommelyck, vnd die Duytschenn wordenn verschlagen vnd gefangenn, vnnnd schwerlick gemartelt, vnnnd dar worden verschlagen seuentich Ordens Herenn,

¹ Auszug des Deutsch-Ordens Chronik. In: Scriptores rerum livonicarum, Bd. I. Riga—Leipzig, 1853, pp. 829—906.

De Konnyneck Alexander was froe tho syner Victorien, vnnnd die Broder meth ehren Volck, De dar döth bleuen, worden Merteler Gades, vor denn Chrystenn gelouen.

Перевод

«Этот магистр Герман Балк² воевал³ в союзе с людьми короля⁴ против русских, которые причиняли ордену много вреда, особенно дерптскому епископу Герману, и магистр Герман⁵ пришел с силой к замку на Руси, называемому Изборск, и здесь выступили им навстречу русские, и завязался ожесточенный бой.⁶ Христиане⁷ победили, и там было убито восемьсот русских, другие обращены в бегство,⁸ и из них многие взяты в плен.⁹ Этот

² Herman Valck, K. — Balck — первый магистр ордена в Ливонии после слияния ордена меченосцев с Тевтонским. В тексте «Рифмованной хроники», послужившей источником для данной хроники, тоже упоминается магистр (v. 2078 — см. выше), но он не назван по имени; в данном же случае составитель орденовой Хроники решил дополнить текст и точно указать имя магистра, дабы теснее связать описываемые события с историей Тевтонского ордена. Однако, не имея достаточно точных данных о датах описываемых событий, хронист ошибочно отнес эти события к деятельности магистра Балка, который в действительности умер за год до данных событий, в 1239 г.

³ bestalde — значение глагола неясно; К. — zoch wider die Reussen, т. е. «выступил против русских».

⁴ mith des Koninges Volcke — подразумеваются вассалы датского короля. Слово Volck употребляется в «Хронике Тевтонского ордена» в двух значениях: 1) народ, люди и 2) войско, отряд.

⁵ Здесь и далее вновь неоднократно упоминается «магистр Герман» или просто «магистр» в качестве предводителя рыцарского войска, совершающего поход на Русь и взявшего Изборск и Псков. В «Рифмованной хронике», напротив, указано лишь, что магистр (не названный по имени) привел свои войска на помощь дерптскому епископу, видимо — куда-то в пределы Дерптской области; в дальнейшем описании похода 1240 г. в «Рифмованной хронике» ни разу не сказано, что во главе рыцарского войска, пришедшего на Русь, стоял магистр; видимо, хронист просто не знал, кто возглавлял это войско во время похода. Введение автором хроники Тевтонского ордена в описание похода неоднократных упоминаний магистра в качестве предводителя рыцарского войска (при том, что самый рассказ данной хроники явно является лишь сокращенной передачей текста «Рифмованной хроники», без использования каких-либо иных источников), по всей видимости, является авторским домыслом, вызвано стремлением дополнить текст и ближе связать описываемые события с историей Тевтонского ордена.

⁶ vnd dar warth gestreden vnnnd gefochtenn sehr. K. — die Reussen begegneten vnuorschrocken, do wartt ein harte schlacht — «русские бесстрашно выступили навстречу, там произошел жестокий бой».

⁷ die Chrysten — христианами хроника называет лишь католиков.

⁸ entschlogenn; ср. совр. нем. in die Flucht schlagen — «обращать в бегство». К. — gobenn die flucht — «обратились в бегство».

⁹ Здесь в сокращенной форме изложено несколько событий, значительно более подробно освещаемых в «Рифмованной хронике»: нападение рыцарей на Изборск и взятие города вместе с остатками гарнизона, приход русского войска из Пскова и бой под Изборском, кончившийся победой рыцарей. «Рифмованная хроника» говорит о захвате пленных во время взятия Изборска, а не во время последующего сражения с псковским войском у Изборска, как можно было бы заключить из цитируемого текста.

магистр со своими братьями-рыцарями и войском¹⁰ разбили свои палатки на поле перед Псковом, так называется город на Руси. Магистр приказал,¹¹ чтобы каждый приготовился к штурму замка и города. Русские попросили мира, и псковичи подчинились ордену,¹² и тогда был заключен мир с русскими.

Князь Герпольт¹³ согласился на то, чтобы замок и город и все прилежащие земли перешли в руки ордена и их жители стали христианами.¹⁴ Магистр занял город и замок христианским отрядом [во главе] с двумя своими братьями-рыцарями,¹⁵ и все возносили хвалу богу и его пречистой матери за большую победу и возвратились в Ливонию.

О Ливонии

Во времена этого магистра Конрада¹⁶ был большой город на Руси, называемый Новгородом, и там был князем Александр.¹⁷ Он узнал, что псковичи перешли под власть Тевтонского ордена, во времена магистра Германа

¹⁰ Volck.

¹¹ В «Рифмованной хронике» говорится в безличной форме: «дали приказ», без указания, кем именно дан войску этот приказ.

¹² Vnd die Pleßkower boden syck vnder denn Orden, wolden geuen — последние два слова не связаны с предложением и не имеют здесь смысла, но они использованы в К. — vnnnd die Pleßkauer woltenn sich vnter dem Ordenn geben — «и псковичи хотели подчиниться ордену».

¹³ Geerpolt, K. — Carpolt.

¹⁴ Известие орденской хроники о том, что после захвата немцами-рыцарями Пскова и Псковской земли «их жители стали христианами», буквально должно означать, что население Пскова и Псковской земли было принуждено рыцарями к принятию католической религии (напомним еще раз, что «христианами» западноевропейский феодальный мир считал только католиков; русские же, исповедовавшие в то время православную религию, считались язычниками, подлежащими обращению в «христианскую», т. е. католическую религию). Сам по себе подобный факт мог иметь место — ведь Орден был духовно-рыцарской организацией, официально поставившей своей задачей распространение католической религии и проводившей свои захватнические походы с официальной целью обращения язычников в христианскую католическую веру. Однако в «Рифмованной хронике» подобное известие отсутствовало, оно внесено в «Хронику Тевтонского ордена» спустя два с лишним столетия после описываемых событий. Поскольку все повествование орденской хроники явно восходит только к одному источнику — к «Рифмованной хронике», данное известие скорее всего является авторским домыслом составителя орденской хроники, на протяжении всего цитируемого текста явно стремившегося подчеркнуть, что военные действия 1240—1242 гг. были предприняты с богоугодными целями, и всюду подчеркивавшего, что эти действия вели «христиане», «христианский отряд», возносившие «хвалу богу и его пречистой матери за победу», а павшие в боях рыцари «стали мучениками во имя бога». В плане этой общей концепции автору было важно показать, что главным результатом завоевательных действий рыцарей был не просто захват чужой территории, а обращение населения этой территории в католическую веру.

¹⁵ meth Chrysten Volcke.

¹⁶ By diesem Meister Conradts tyden — Конрад ландграф тюрингенский был великим магистром Тевтонского ордена в 1239—1241 гг.

¹⁷ «Хроника Тевтонского ордена», называя Александра Невского новгородским князем, исправляет версию «Рифмованной хроники», где Александр был назван князем суздальским.

фон Зальца,¹⁸ как выше описано. Этот князь Александр собрался с большим войском¹⁹ и с большой силой пришел к Пскову и взял его. Несмотря на то, что христиане храбро оборонялись, немцы были разбиты²⁰ и взяты в плен и подвергнуты тяжелой пытке,²¹ и там было убито семьдесят орденских рыцарей. Князь Александр был рад своей победе, а братья-рыцари со своими людьми,²² которые там были убиты, стали мучениками во имя бога, прославленными среди христиан».

4. «ИСТОРИЯ ЛИВОНИИ» ИОГАНА РЕННЕРА

Иоган Реннер родился в середине 20-х годов XVI в. в Германии, умер в 80-х годах. 1554—1561 гг. он провел в Ливонии, где служил управителем канцелярии в некоторых орденских замках; после своего возвращения в Германию был нотариусом в Бремене. Составленная им «История Ливонии» написана на средненижненемецком языке (mittelniederdeutsch). Источником для приведенного здесь отрывка Реннеру служила «Рифмованная хроника». Перевод выполнен на основе текста, изданного Р. Гаусманом и К. Гельбаумом.¹ В сносках даны номера соответствующих стихов «Рифмованной хроники».

¹⁸ by dem Meyster Hermans tydenn van Salsa — Герман фон Зальца, великий магистр Тевтонского ордена в 1210—1239 гг. В действительности, Псков был захвачен немецкими рыцарями через год после смерти магистра Германа фон Зальца, умершего в 1239 г.

¹⁹ mith eunem grothem Heere van Volcke.

²⁰ Хронист здесь соединил два события в одно: освобождение Пскова Александром Невским и Ледовое побоище.

²¹ О пытках, которым были подвергнуты пленные рыцари, говорится только в данной хронике; в «Рифмованной хронике», являющейся источником всего цитируемого здесь текста, подобных сведений нет, и эти сведения — единственное существенное добавление в данном тексте по сравнению с соответствующим текстом «Рифмованной хроники».

Следует ли считать эти сведения достоверными? Поскольку «Хроника Тевтонского ордена» была составлена через два с лишним столетия после излагаемых в данном тексте событий и притом — не в Ливонии (где у потомков уцелевших рыцарей и других участников похода 1240—1242 гг. еще могли некоторое время сохраняться какие-то остатки воспоминаний об этом походе), а на значительном расстоянии от Ливонии, в Пруссии, поддерживавшей с Ливонией лишь чисто административные связи, трудно предположить, чтобы в данном случае в хронике нашли отражение какие-то достоверные письменные сведения или устные предания. Скорее всего, упоминание о пытках — позднейший домысел составителя орденской хроники; таким образом хронист стремился ярче показать благочестивые подвиги рыцарей-крестоносцев, боровшихся с «коварным» и «жестоким» врагом во имя торжества веры; этот домысел прямо связан с концовкой цитируемого текста, где говорится, что погибшие в описанной борьбе рыцари «стали мучениками во имя бога». Из данной хроники это добавление заимствовал Б. Руссов (см. ниже).

²² meth ehren Volck.

¹ Joh. Renners Livländische Historien, hrsg. von R. Hausmann und Konst. Höhlbaum. Göttingen, 1876, SS. 32—33.

Текст

«Ock gewan de meister Isborch mit storme. Dar wurden de Russen gefangen edder geschlagen. Do de Plescouwers dit vornemen, rusteden se sich und quemen den ohren to hulpe, dar wort manlich gefochten up beiden siden. Averst der Russen worden 800 erschlagen, de schlachting geschach by Isborch in Ruszlandt, de andern nemen de flucht, den folgeden de Dudeschen na beth aver de Mud-douw wente vor de stadt Plescouw und belegerden de sulven, und als men sich tom stormen rustede, forchteden sich de Russen und begerden freden. De wort also gemaket, dat der Russen koning Gerpolt dem orden aver leth sloete und lande, dar mit dat storment under wegen bleve, wo dan ock geschach. Also leth de hermeister twe ridderbroder mit velen duser thor besettinge im lande und toch wedder na hus, also 9000 Russen weren gebleven und umbgekamen.² Also dit dem koninge van Nougarden to wete-ende wort, sammelde he ein groth folck und quam den Plescouwern to hulpe, vorjagede de beiden ridderbroders sampt den Dudeschen und nam dat lant wedder in, kerde dar na vedder to ruggen. Dar na rustede sich koning Alexander van Suszdal, welches ock eine grote stadt is in Ruszlandt, den schaden to wreken und quam mit groter macht in Liflandt, rovede und brande. Darjegen rustede sich de hermeister. Desgeliken sande Herman bischop to Dorpte dem orden vele volckes tho hulpe und togen den Russen entjegen und oft se wol swack weren, so schlogen se doch mit den fienden, averst se worden nedder gelecht, dan der Russen weren wol 60 man up einen Dudschen. Hir bleven doth 20 ordens broder und 6 worden gefangen, der Dorptischen quemen vele wech. Do koning Alexander also den stridt beholden hadde, toch he wedder to hus, wowol he ock mannigen man vorlaren hedde».

Перевод

«Также Изборск магистр взял приступом. Русские там были взяты в плен или убиты.³ Когда псковичи это узнали, они вооружились и пришли своим на помощь, там храбро сражались с обеих сторон.⁴ Но 800 русских было убито, бой происходил под Изборском на Руси, другие обратились в бегство, их преследовали немцы через реку Великую до города Пскова и осадили его, а когда стали готовиться к приступу, русские испугались и попросили мира.⁵ Он был заключен на таких условиях, что князь русских Герпольт уступил ордену замки и земли, чтобы приступ не состоялся, что и было соблюдено.⁶ Итак, магистр оставил для оккупации [Псковской] земли двух братьев-рыцарей со многими тысячами [немцев] и ушел опять домой, таким образом 9000 русских осталось [на поле брани] и погибло.⁷ Когда это стало известно новгородскому князю, он

² Разрядкой издатели выделили те места текста, где И. Реннер отклоняется от «Рифмованной хроники».

³ LR, v. 2089—2095.

⁴ LR, v. 2099—2100, 2105—2107, 2113—2118.

⁵ LR, v. 2120—2125, 2133—2135, 2139—2142, 2145—2148, 2152—2156.

⁶ LR, v. 2157—2164.

⁷ LR, v. 2173—2175, 2171—2172. — Если автор «Рифмованной хроники» говорит о «небольшом» отряде немцев, оставленном в распоряжении двух братьев-рыцарей, и в этом видит причину их недолгого пребывания в Пскове, то Реннер по неизвестной нам причине определяет количественный состав

собрал большое войско и пришел псковичам на помощь, прогнал обоих братьев-рыцарей вместе с немцами и вновь занял землю, после чего возвратился опять домой.⁸ Затем вооружился князь Александр из Суздаля, который также большой город на Руси, чтобы отомстить за вред, [причиненный немцами], и пришел с большой силой в Ливонию, грабил и жег.⁹ Против этого вооружился магистр.¹⁰ Равным образом Герман, епископ дерптский, послал на помощь ордену много войска, и они выступили навстречу русским, и хотя они были слабы числом, но все же бились с врагами, но их одолели, так как русских было около 60 человек на одного немца.¹¹ Здесь было убито 20 орденских братьев, а 6 было взято в плен, из дерптцев многие спаслись.¹² После того как князь Александр таким образом одержал победу, он ушел опять домой, поскольку также потерял много людей.¹³

5. «ХРОНИКА ЛИВОНИИ» БАЛЬТАЗАРА РУССОВА

Бальтазар Руссов (ок. 1542—1602) был лютеранским пастором в г. Ревеле. В 1578 г. им была опубликована получившая большое распространение «Хроника Ливонии». Написана она на нижненемецком языке. Излагая события 1238—1242 гг., Руссов ограничивается несколько сокращенным пересказом соответствующего места «Хроники Тевтонского ордена». Те немногие места, где Руссов дополняет свой источник, оговорены нами в примечаниях.

Т е к с т

...de Köninck tho Dennemarcken... hefft ock eine stadtlike Krygesmacht van Volcke wedder de Vnchristen dem Orden tho hülpe geschicket, mit welckerem Volcke de Meister Herman Valcke, sick wedder de Rüssen gerüsted hefft, de dem Orden, vnde insunderheit dem Bisschop Herman tho Dörpte, des affgedrungenen Dörptescher. huses haluen, ane vnderlادت groten schaden thogefüet hebben. Derwegen de Meister mit groter macht in Rüblandt vor Iseborg gerücket ys, vnde hefft dar mit den Rüssen gestreden, erer vele nedder gelecht, vnde de öuerigen in de flucht geschlagen. Darna hebben sick de Meister vnde Bisschop Herman tho Dörpte, mit dem gantzen Heer vor de Stadt Pleßkow in Rüblandt gelegert, vnde hebben de Stadt stormen willen. Auerst de Rüssen in der Pleßkow, hebben einen Frede begeret, vnd sick dem Orden thoergeuende erbaden, Welckes denn mit beleuinge Gerpolds des Rüssischen Försten ock geschehen ys, do ys beyde dat Schlot vnde de Stadt Pleßkow, dem Meister auerantwortet geworden. vnd de Meister hefft dat Schlot vnde det Stadt mit Ordensbrödern vnde mit Christen

отряда в «много тысяч». Также итог русских потерь за время этого похода в 9000 человек не содержится в «Рифмованной хронике». Издатель труда Реннера К. Гельбаум считает цифру 9000 опиской (вместо 900); ср. число русских, павших в бою под Изборском, определяемое «Рифмованной хроникой» в 800 человек (v. 2120).

⁸ LR, v. 2180—2185, 2189—2193, 2203.

⁹ LR, v. 2205—2221.

¹⁰ LR, v. 2222. — В соответствующем месте «Рифмованной хроники» магистр не упоминает, говорится лишь, что вооружились «братья-рыцари».

¹¹ LR, v. 2229—2232, 2236—2241, 2252—2256.

¹² LR, v. 2260—2261, 2257—2258.

¹³ LR, v. 2263—2267.

Volcke wol besettet, vnde hebben samptliken Godt gelauet vnde gedancket, vor de grote auerwinninge, vnde sint darna wedderumme na Lyfflandt geyset, Auerst Alexander de Förste van Nowgarden, hefft dem Orden de Pleßkow wedderumme affgewunnen, do men schreff 1244. De Christen hebben sick wol Ridderliken geweret, auerst thom lesten hebben se vorlaren geuen möten. Do sint erschlagen 70. Ordensbröder, mit velem düdeschen Volcke, vnde 6. Bröder sint gefangen, vnde tho dode gemartert worden.¹

Перевод

«... король Дании... послал также на помощь ордену против нехристей значительную воинскую силу, с каковым войском магистр Герман Балк вооружился против русских, которые ордену, а особенно дерптскому епископу Герману из-за захваченного дерптского замка² беспрестанно причиняли большой вред. Поэтому магистр вторгся с большой силой в Русскую землю, к Изборску, и там сражался с русскими, многих из них перебил, а остальных обратил в бегство. Затем магистр и дерптский епископ Герман со всем войском расположились лагерем перед городом Псковом на Руси и намеревались штурмовать город. Но русские в Пскове запросили мира и выразили готовность сдаться ордену, что и произошло с согласия русского князя ГERPольта, тогда замок и город Псков были сданы магистру, и магистр крепко³ занял замок и город орденовыми рыцарями и христианским войском,⁴ и все возносили хвалу и благодарность богу за большую победу, а затем обратно возвратились в Ливонию. Но новгородский князь Александр обратно отвоевал от ордена Псков в 1244 году.⁵ Христиане, правда, сражались мужественно, но в конце концов они потерпели поражение. Тогда было убито семьдесят орденовых рыцарей с многими из немецкого войска, а шесть братьев-рыцарей попали в плен и были замучены до смерти».

* * *

Из приведенных текстов и из комментариев с полной очевидностью явствует, что все тексты поздних прибалтийских хроник XIV—XVI вв., описывающие немецкую агрессию против Руси 1240—1242 гг., восходят к соответствующей части «Рифмованной хроники» и являются ее сильно сокращенными пересказами. В приведенных текстах есть несколько известий, от-

¹ В. Russow. Chronica der Prouintz Lyfflandt. In: Scriptores rerum livonicarum, Bd. II. Riga—Leipzig, 1848, S. 17.

² Здесь Б. Руссов дает собственное объяснение причины вражды русских с епископом Германом, признавая, что тартуский (дерптский) вышгород (замок) в момент захвата его немецкими крестоносцами представлял собой русский г. Юрьев.

³ wol — дословно «хорошо».

⁴ Автор «Рифмованной хроники» чувствовал необходимость подчеркнуть, что магистр оставил в Пскове лишь двух рыцарей с небольшим отрядом, двух рыцарей называет также и «Хроника Тевтонского ордена». В противоположность своим предшественникам Б. Руссов пишет, что магистр «хорошо» (wol) занял Псков рыцарями и войском.

⁵ Буквально «когда писался 1244 год» (или «когда значился 1244 год» — do men schreff 1244). Попытка установить год описываемого события принадлежит Б. Руссову.

существующих в «Рифмованной хронике», но, как было показано в комментариях, ни одно из этих известий не может быть возведено к какому-либо достоверному дополнительному источнику (письменному или устному); по всей видимости, все расхождения между текстами поздних хроник и текстом «Рифмованной хроники» являются просто плодами литературного творчества поздних хронистов, кое-где добавлявших от себя (и по своему разумению) отдельные детали в освещение событий, целиком заимствуемое из «Рифмованной хроники».

Таким образом, из рассмотренных памятников только «Рифмованная хроника» может служить достоверным источником для изучения Ледового побоища и предшествовавших ему событий 1240—1242 гг.

Очевидно, в Прибалтике в XIII в. был создан только один повествовательный памятник, описывающий военные действия с Русью 1240—1242 гг. Автор этого памятника использовал сведения об этих событиях, сохранившиеся в памяти ливонских рыцарей к концу XIII в. (а может быть, частично и зафиксированные в каком-то более раннем письменном памятнике). Есть все основания считать, что автор «Рифмованной хроники» использовал все имевшиеся у него сведения, ибо в ряде случаев в ходе изложения ему явно не хватало конкретного материала и он должен был для связности рассказа дополнять и разбавлять известные ему конкретные данные литературными домыслами, описаниями сверкающих доспехов и т. п. Видимо, уже к концу XIII в. в Ливонии сохранилось немного сведений о событиях 1240—1242 гг. Тем более ценно, что эти немногие сведения были сбережены «Рифмованной хроникой» до наших дней.

